

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

№ 3

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
1945 г.

914

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Цѣна 10 к., на станц. ж. д.—12 к.

„НАШЪ ПАРИЖЪ“.

Статья Е. П. Семенова.

Такъ его называютъ мои парижскіе друзья въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Письма теперь доходятъ правильно, — черезъ три недѣли, но доходятъ.

„Нашъ Парижъ“ — такъ его называетъ и можетъ называть всякій, кто его знаетъ, кто въ немъ жилъ, кто его любитъ.

Какой городъ, кромѣ и послѣ родного, а иногда и до родного, — лучше, выше, совершеннѣе Парижа! Какой городъ въ мірѣ можетъ даже просто сравниться съ нимъ?

Въ немъ природа, время и люди сосредоточили все, что нужно человѣку, всѣ источники жизни, знанія, радостей бытія, тѣла и духа. Парижское небо, воздухъ, дома, улицы, площади, бульвары, Сена, каналы, сады, парки, Булонскій лѣсъ, пригороды, холмы: Монмартръ, Бюль-Шомонъ, Св. Женевиѣвы — катакомбы, подземелья, музеи, театры, верхи церквей, триумфальныхъ арокъ, башенъ и колоннъ, памятники славы военной, доблести гражданской, разносторонняго гения всѣхъ областей творчества, — все это ярко, все это трепещетъ радостью, весельемъ, любовью, все это полно гармоніи, вкуса, все прекрасно, все говоритъ своимъ и чужимъ:

— Мы созданы французской природой, но мы — ваши, для васъ, для людей, для человѣчества, для познания, для радости, для жизни, для счастья. Берите насъ. Насъ хватить для всѣхъ. Мы — ваши... „Нашъ Парижъ“.

И этотъ Парижъ хотѣли взять нѣмцы. И армія Клука двинулась къ нему быстрыми переходами, а Вильгельмъ II, всю жизнь мечтавшій о немъ, хотѣлъ въ немъ позавтракать на славу. И готовилось высшее злодѣйство, которое заставило бы содрогнуться весь міръ, ибо оно превзошло бы всѣ ужасы, когда либо пережитые міромъ: Луванъ, Реймсъ, Малинъ поблѣднѣли бы въ памяти людей предъ этимъ новымъ бѣдствіемъ. Но оно къ счастью было предотвращено гениемъ Жоффра и выдержкой французомъ. „Нашъ Парижъ“ избѣжалъ нашествія и позора германскихъ нашествій и разрушенія, избѣжалъ, правда, дорогой цѣною. Онъ опустѣлъ, притихъ, притаился. Художественныя, научныя, историческія цѣнности увезены, спрятаны.

Театры закрыты, какъ и учебныя заведенія, какъ и всѣ переведенныя въ Бордо учрежденія, въ которыхъ всегда полнымъ темпомъ бѣгала умственная и политическая жизнь страны. Редакціи вліятельныхъ газетъ раздвоены, главныя силы ихъ находятся въ Бордо, а въ Парижѣ остались только замѣстители. Выходившія нѣсколькими изданіями газеты выходятъ теперь только разъ въ день, причемъ разносчики ихъ — знаменитые камло — не могутъ выкрикивать ни содержания, ни даже названія газеты; они молча предлагаютъ ее пуб-

ликѣ. Кафе закрыты уже въ 9 час. вечера, и всегда шумный, веселый, бурливый жизнью и настроеніемъ „нашъ Парижъ“ замираетъ въ темнотѣ и тишинѣ на всю ночь.

Но сумраченъ, сосредоточенно серьезенъ и озабоченъ онъ и въ течение цѣлаго дня.

Почти все мужское, способное носить оружіе, население ушло на войну. Многія зажиточныя и богатая семья уѣхали на западъ, особенно на югъ. Населеніе уменьшилось на двѣ трети. „Нашъ Парижъ“ въ извѣстные часы дня, особенно въ аристократическихъ кварталахъ Елпсейскихъ полей, Пасси, Отейль, принялъ обликъ степеняго провинціальнаго города.

„Опустѣлъ нашъ великій Парижъ, — пишетъ мнѣ сынъ. — но варвары до него не добрались. Это — самое главное, самое важное. Жители начинаютъ уже возвращаться, но онъ все-таки пока обезкровленъ. Улицы пустыни. Когда ходишь по нимъ, то при малѣйшемъ необычномъ шумѣ, поднимаешь голову въ ожиданіи увидѣть „грязную птицу“ (такъ парижане прозвали нѣмецкіе аэропланы системы Taube). Это — единственное здѣсь, съ позволенія сказать, развлеченіе сейчасъ. Другое развлеченіе — военные автомобили (другіе такъ рѣдки!), въ которыхъ везутъ либо трофеи съ полей битвъ, — но мы ихъ не видимъ: ихъ быстро провозятъ теперь прямо въ Домъ Инвалидовъ, — либо англійскихъ офицеровъ, встрѣчаемыхъ всегда сочувственными возгласами и дружеской улыбкой.

„Благодаря принятымъ военнымъ губернаторомъ Парижа, генераломъ Галлиени, мѣрамъ, міровой городъ обезпеченъ сравнительно дешевыми пищевыми продуктами, которые въ изобиліи и правильно подвозятся изъ окрестностей. А мясомъ мы обезпечены надолго: весь Булонскій лѣсъ разделенъ на участки, забаррикадированные отъ публики и переполненные рогатымъ скотомъ и всякой живностью. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ чисто военномъ и стратегическомъ, Галлиени оказался на высотѣ, на которой, со времени завоеванія Мадагаскара, онъ стоялъ въ мнѣніи французомъ. Населеніе въ него вѣрить слѣпо и его обожаетъ“.

„Нашъ Парижъ“ притаился и ждетъ возврата счастливыхъ дней и лучшаго будущаго, въ которое твердо вѣрить.

Не напрасны были жертвы и подвиги — „нашъ Парижъ“ спасенъ и нѣмцамъ не достался. Чистъ и великъ онъ остался для Франціи и для всего человѣчества.

И онъ, какъ былъ, будетъ и впредь — „нашъ Парижъ“ для всякаго культурнаго сына современнаго человѣчества, будетъ городомъ — свѣточемъ, залогомъ новой величайшей побѣды права надъ насиліемъ, культуры надъ варварствомъ. И вступать въ него не враги — побѣдители, а друзья и союзники на праздникъ мира. Ибо кто, какой другой городъ сможетъ устроить такой праздникъ, какой тогда устроитъ „нашъ Парижъ“?

Е. Семеновъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Е. П. Семеновъ. «Нашъ Парижъ». — В. В. Брусняннъ. «Бѣлый голубокъ» (рассказъ). — И. Накатовъ. «Нѣмецкая женщина» (очеркъ). — Георгій Ивановъ. «Три голоса» (стихотворенія). — Сергій Городецкій. «Чары Меркурія». — Германъ Каналовъ. «Новый Колумбъ» (стихотвореніе). — Евг. Мауринъ. «Фаустъ Гуно какъ драматическое представленіе». — Александръ Блокъ. «Утро въ Москвѣ» (стихотвореніе). — В. В. Муйжель. «Подъ осеннимъ небомъ» (рассказъ). — Проф. К. И. Арабакинъ. «Литература и война». — Объ искусствахъ и литературѣ. «Вѣсти и мнѣнія». — Леонидъ Галинъ. «Нѣмецъ какъ мужчина-въ-себѣ». — Проф. В. Д. Плетневъ. «Гурецкій фарсъ». — Г. П. «Недѣля войны». **ИЛЛЮСТРАЦИИ:** Изъ альбома художника: турецкія фелюки въ Черномъ морѣ, турецкій милиционеръ (запѣтый), мечеть, кавказскій турокъ, грузинскій князь (рисунки худ. А. П. Эйсснера). — Заставки раб. худ. Льва Бруни. — 15 фотоэтикетокъ. — **ОБЛОЖКА:** «Избѣненіе младенцевъ», Матео-ди-Джованни.

Цѣна номера въ Петроградѣ и провинціи	Еженедѣльный литературно-политическій иллюстрированный ЖУРНАЛЬ	Цѣна номера на станціяхъ желѣзн. дорогъ
10 к.	ГОЛОСЪ ЖИЗНИ	12 к.
Выходящій при участіи лучшихъ силъ русской изящной литературы, публицистики и живописи. Изданіе Акціонернаго Общества ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. НАСПАРИ. Петроградъ: 1) Лягоская ул., д. 114 и 2) Садовая ул., д. 20		

В. В. Брусянин.

БѢЛЫЙ ГОЛУБОКЪ.

Разсказъ.

И вотъ идутъ они опять по улицѣ втроемъ, какъ и раньше. Близкіе другъ къ другу, родные-кровные.

Онъ—въ сѣрой шинели, накинутаго на плечи, и въ форменной солдатской фуражкѣ защитнаго цвѣта. Правая рука его на перевязи—длинное сѣрое полотенце перекинута черезъ плечо подъ шинелью. Полотенце отгѣняется на груди, словно лента какая, которой онъ награжденъ за участіе въ бою. А лицо его—блѣдное и исхудавшее, съ той особенной печатью, которая говоритъ: вотъ человекъ только что съ больничной койки.

Она—маленькая, сѣренькая женщина, какихъ много. Скромный темный платокъ на головѣ, короткая темная кофточка, юбка, низъ которой немного обтрепался, а въ глазахъ маленькой женщины и радость, и печаль, и какая-то растерянность. Чередуются эти мимолетныя чувства, поминутно мѣняютъ лицо—не поймешь его толкомъ.

И еще «онъ», маленькій онъ, маленькій человекъ, въ новыхъ сапогахъ, а штанишки короткія—видны голыя ноги. Рубаха на немъ темная, шерстяная, а на головѣ фуражка безъ козырька, морская, съ ленточкой, на которой по темному фону серебряными буквами напечатано только одно слово: «Рыцарь». Ему, этому мальчугану Нефедкѣ, всего лишь семь лѣтъ, а онъ походитъ на настоящаго большого моряка, и на лентѣ фуражки его отпечатано слово «Рыцарь», имя какого-то военнаго корабля.

Идетъ по улицѣ маленький рыцарь Нефедка, а мать ведетъ его за руку и поминутно бормочетъ:

— Подъ ноги-то смотри, Нефедка, не споткнись.

Серьезно посмотреть Нефедка подъ ноги, а потомъ посмотреть въ лицо матери и улыбнется, а черезъ секунду смотреть по сторонамъ: кажется, никогда не видѣлъ онъ такихъ нарядныхъ, свѣтлыхъ улицъ, и столько людей не видѣлъ онъ, а сколько огней въ окнахъ магазиновъ, а какъ быстро несутся экипажи, автомобили, трамваи!

Идетъ Нефедка, улыбается, а въ свободной рукѣ прижимаетъ къ груди странную бумажку... и не бумажку, а картонку. А ближе помотришь, и окажется—прижимаетъ къ груди Нефедка открытку, на которой ничего не написано.

Свѣтло-голубымъ фономъ разрисована открытка, а на этомъ фонѣ изображенъ бѣлый голубокъ. Распростеръ свои крылья бѣлый голубокъ и летитъ куда-то, и держитъ въ клювъ письмо.

Неизвестно, куда летитъ голубокъ, неизвестно,

кому несетъ голубокъ письмо, а Нефедкѣ нравятся и голубокъ, и письмо, и свѣтло-голубое небо, по которому летитъ голубокъ.

Вчера отецъ вернулся съ войны съ раненой рукою, которая толстымъ чѣмъ-то и бѣлымъ забинтована, и держитъ эту руку отецъ на перевязи. А когда утромъ пилъ чай, то и блюдце держалъ въ лѣвой рукѣ. Поднесетъ блюдце ко рту, отхлебнетъ, поставитъ на столъ и лѣвой же рукою возьметъ со стола кусокъ сахара, откуситъ и опять держитъ рукою блюдце.

Вернулся отецъ съ войны и привезъ съ собою открытку съ бѣлымъ голубкомъ.

Улыбался чему-то отецъ, но серьезно говорилъ матери:

— Все собирался изъ госпиталя письмо тебѣ написать, да лѣвой-то рукою много не напишешь. Какъ на войну везли—не то въ Псковѣ, не то еще въ какомъ городѣ на станціи,—пришли на вокзалъ господа разные: барыни да барышни, студенты да разный народъ въ шляпахъ, и почали раздавать солдатамъ коробки съ папиросами, спички, конфеты, чай, сахаръ, конверты да почтовую бумагу. А барышня одна сунула мнѣ въ руку коробку папиросъ да вотъ и открытку эту самую... штукъ пять открытокъ-то было. «Вотъ вамъ,—говоритъ,—напишите письма роднымъ». Взялъ я папиросы, открытки, поблагодарилъ барышню, а на открыткахъ-то и марки наклеены: пиши да посылай. Богъ ее любви, эту самую барышню. Товарищамъ открытки роздалъ, а на этой все тебѣ собирался писать, да вотъ рука-то ранена, а лѣвой много не напишешь. Да что тамъ—самъ прибылъ.

Говорилъ такъ отецъ, а самъ держалъ въ рукахъ открытку съ голубкомъ. А открытка помялась, замалась, потерялась, а на углахъ потрескалась въ солдатскомъ карманѣ, никуда теперь и не пошлешь такой открытки.

— Ну, да что ужъ, самъ прибылъ, весь твой!—говорилъ отецъ, а мать глядитъ и на отца, и на

Чтение газетъ въ лазаретѣ.

открытку и вздыхаетъ; въ глазахъ у нея слезы радости.

Три недѣли не было вѣстей отъ мужа, думала, убить въ бою или ранить, а онъ самъ прибылъ. Рука ранена и на перевязи. Ну, ужъ это ничего, заживетъ, Богъ дастъ, и опять работать можно будетъ!

Такъ думаетъ нефедкина мать и вздыхая глядитъ на мужа, и какъ будто что-то хочетъ сказать ему, а не смѣетъ.

А у мужа свои думы и говоритъ онъ свое:

— Вотъ, погоди, заживетъ рука, и опять въ дѣйствующую армию махну. Ужъ и задамъ этому австрияку проклятому.

Молчитъ жена солдата Нефедка, а сама гладитъ рукою бѣлокурую головку сына, и на глаза ея вдругъ выступаютъ слезы. Припомнилась ей вдругъ бабушка глупая примѣта. Когда родился сынъ, отецъ захотѣлъ назвать мальчика своимъ именемъ, и назвали его Нефедкой. А бабы глупыя свое: будто нехорошо называть сына въ честь отца, непременно тогда отецъ умретъ раньше матери. А что Нефедка будетъ дѣлать, коли отецъ умретъ раньше матери: напуганной жизнью женщины казалось, что будетъ лучше, если она умретъ, а отецъ останется.

Пока отецъ ухалилъ на войну, все плохія сны видѣла нефедкина мать, по ночамъ плакала, а днемъ въ ея глазахъ только слезы стояли. Какъ и теперь, стоятъ эти слезы. И видитъ Нефедка, не плачетъ мать, а только на глазахъ слезы, и думаетъ маленькій рыцарь:

«Бойся мать отца, вотъ и не плачетъ, а безъ него плакала».

Да отчего же теперь и плакать: отецъ пріѣхалъ съ войны, сидитъ за столомъ и чай пьетъ съ булками и вареньемъ.

— Да... ужъ угощу я ихъ, проклятыхъ... Десятка два-три за свою руку положу: пуцай знаютъ, какая у меня рука. Изранили ее, черти, а она только можжитъ немножечко, да вотъ доктора на перевязи велѣли носить. А подживетъ—безпремѣнно въ дѣйствующую армию пойду. Я имъ покажу, какая у меня рука!

Говорилъ-говорила такъ отецъ, а потомъ и по-

дозвать къ себѣ Нефедку. Какъ и мать, погладилъ его по бѣлокурымъ волосамъ, поласкалъ и спрашиваетъ:

— Нефедка, ладные ли сапоги то? Не жмутъ?..

На войну собирался солдатъ Нефедъ и купилъ сыну новые сапоги. Тогда у маленького Нефедки было такое представленіе, что у отца денегъ—уйма. Младшимъ дворникомъ онъ служилъ въ большомъ домѣ, а какъ на войну взяли, хозяинъ и уплатилъ Нефеду жалованье за два мѣсяца и женѣ повѣсилъ жить въ дворничкой, пока эта самая война протянется. Добрый хозяинъ, даромъ что съ кривымъ глазомъ и усы большіе и страшные.

— Что-жъ молчишь, шельмецъ, ладные ли сапоги-то?

Молчитъ Нефедка, а глазами говоритъ отцу: «Не жмутъ сапоги, ладные, скрипятъ немножечко». А самъ все смотритъ на бѣлаго голубка, изображеннаго на открыткѣ.

— Приглянулся тебѣ голубокъ-то?.. Ну, на... дарю...

Съ утра, какъ взялъ Нефедка изъ рукъ отца открытку, такъ и не расстаётся съ нею.

Послѣ обѣда мать Нефедки сказала:

— Сходить надо къ кресному-деверю, Кузьмѣ Андричу. Какъ же не сходить,—добавила женщина, видя, что мужъ занятъ какой-то другой думой—не оставляя онъ меня, какъ съ Нефедкой-то осталась. Тожь—кресный отецъ мальчонки.

— Сходить, такъ сходить! Сходимъ,—весело отвѣтилъ отецъ.

И вотъ пошли они по улицѣ къ деверю, Кузьмѣ Андричу. Пошли вмѣстѣ, втроемъ, какъ и раньше хаживали по улицамъ. Идутъ, а все люди смотрятъ на солдата Нефедка, а то и остановятся, оглядятъ. Какъ же не остановиться и не оглядѣть Нефедка? Идетъ по улицѣ солдатъ съ перевязанной рукою, и всемъ ясно—идетъ солдатъ раненый, изъ боя живымъ вышелъ и вернулся на поправку. И утромъ сегодня, какъ только появился Нефедъ во дворѣ, все только и дѣлали, что смотрѣли на раненаго солдата. Въ дворничью люди заходили, жали лѣвую руку Нефедка, спрашивали о походѣ, о нѣмцахъ и о чемъ только не говорили.

Нефедъ рассказывалъ, какъ въ походѣ шли, какъ на врага шли въ штыки... Свистѣли пули, рвались шрапнели, гудѣли пулеметы и рядами клали мертвыхъ солдатъ. А потомъ Нефеду словно обѣкъ кто правую руку, да въ пылу боя онъ и не догляделъ, что рука ранена, все впередъ шелъ, съ другими товарищами въ штыки шелъ, а не любить австриякъ штыка солдатскаго. А тутъ вдругъ товарищи Нефедка и говорятъ: «Суринъ, да ты въ руку раненъ, гляди, кровь-то!». Тутъ только Нефедъ и узналъ, что рука его ранена и въ крови, и ужъ распухла въ томъ мѣстѣ, гдѣ пуля прошла. А пуля навзлеть прошла, только жилы немного повредила.

Рассказалъ Нефедъ и о томъ, какъ увели его съ поля брани санитары да сестры милосердія, руку перевязали, а потомъ и въ госпиталь отправили и наконецъ посадили въ вагонъ, да и домой.

Операция тяжелораненого.

Обо всемъ разсказалъ Нефедь подробно. Но, съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ о своемъ походѣ и о ранѣ, и объ австріякахъ, всегда кончалъ однимъ:

— Подживитъ рука, опять въ дѣйствующую армію отправлюсь. Я покажу ему, проклятому, какъ въ руку попадать! Штыка русскаго, мово штыка отвѣдаетъ австріякъ либо нѣмецъ. Наколю ихъ, чертей!

Слушалъ Нефедка, о чемъ говорилъ отецъ, держалъ въ рукѣ открытку съ бѣлымъ голубкомъ и свои у него, младенческія, были думы: «Какъ отецъ на войну поидетъ, пошлетъ онъ ему этого бѣлаго голубка съ письмомъ во рту... Только вотъ грамотѣ-то его еще не обучили... Какъ напишешь?»

Вотъ и теперь идетъ Нефедка, маленькій рыцарь, по улицѣ и открытку къ груди прижимаетъ. А народъ по панелямъ—взадъ и впередъ. Извозчики ѣдутъ, трамваи звонятъ, шуршатъ незрими колесами и гудятъ большими проволоками.

Идутъ они всѣ вмѣстѣ по улицѣ, а мать держитъ Нефедку за руку и все нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ:

— Нефедка, подъ ноги-то смотри, не гляди по сторонамъ-то.

А какъ не глядѣть по сторонамъ: все такъ диковинно для него. Улыбнется Нефедка въ отвѣтъ на слова матери, а самъ думаетъ: «Вотъ уйдетъ отецъ на войну, и пошлетъ онъ ему этого бѣлаго голубка съ письмомъ во рту».

* * *

Много ли, мало ли дней прошло съ тѣхъ норъ, какъ вернулся съ войны отецъ, а только вышло такъ.

Ушелъ куда-то отецъ съ утра и долго его дома не было. А мать Нефедки отчего-то все плакала, шмыгала носомъ и слезы платкомъ утирала. А когда кто войдетъ въ дворницкую, она будго и не плачетъ: лицо и глаза прячетъ отъ всѣхъ, будго и поплакать совѣстно.

А послѣ обѣда и отецъ пришелъ.

— Вотъ,—говоритъ,—исторія-то какая вышла: жилы австріяки проклятые въ рукѣ моей попортили...

И видятъ жена Нефедка и маленькій Нефедка, разбинтована у отца рука, бѣлая такая, пухлая, а

подъ ногтями сине и пальцы скрючены, и не расправитъ ихъ, и къ ладони не прижать.

А Нефедъ сѣлъ у стола на табуретъ, разглядываетъ свою попорченную руку, да и продолжаетъ свой разсказъ о томъ, какъ ходилъ къ начальству и руку свою показывалъ:

— Я говорю: «Ваше высокоблагородіе, рука моя поджила, хочу въ дѣйствующую армію». А мнѣ говорятъ: «Обожди, Сурнинъ, рука у тебя хоть и поджила, а жилы попорчены и въ службу ты не годишься». — «Какъ,—говорю,—ваше высокоблагородіе, не гоюсь, когда рука зажила и перевязка мнѣ эта ни къ чему». — «Перевязка-то,—говоритъ докторъ,—пожалуй и ненадобна, а только рука твоя для военной службы негодится. Подожди немного, можетъ, отойдетъ, тогда и поидешь». Примочку какую-то далъ, да и «Иди,—говоритъ,—домой, поправляйся, какъ слѣдуетъ»... А я опять свое: хочу въ дѣйствующую армію. Спорилъ-спорилъ я, да что съ ними подѣлаешь. «Жди,—говорятъ,—когда совсѣмъ рука отойдетъ». А чего я ждать буду? Винтовку въ рукахъ удержу, опять же и прицѣлъ вѣрный возьму, потому—глазъ-то у меня австріякъ не испортилъ. Опять же и штыкомъ орудовать могу, а нѣмцы да австріяки страсть какъ не любятъ штыка—боятся.

Такъ Нефедка Сурнина и не взяли второй разъ на войну: приказали подождать, когда рука будетъ годна для военной службы.

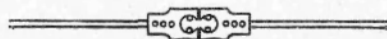
Хмурымъ ходитъ Нефедъ по двору и дворницкія обязанности исполняетъ съ трудомъ, а хозяинъ не донимаетъ его тяжелой работой, жалѣетъ солдата, вернушагося изъ самага пекла войны.

Не поѣхалъ отецъ на войну, и у маленькаго Нефедки мысли его тайныя словно улетѣли куда-то. Все думалъ, вотъ отецъ уйдетъ на войну и пошлетъ онъ ему открытку съ бѣлымъ голубкомъ и съ письмомъ во рту. А теперь и думать объ этомъ пересталъ, а скоро и о бѣломъ голубкѣ забылъ.

Много ли, мало ли дней прошло, а только затерялъ куда-то Нефедка открытку съ бѣлымъ голубкомъ и съ бѣлымъ письмомъ во рту. Улетѣлъ куда-то голубокъ!

Можетъ быть, и на войну улетѣлъ бѣлый голубокъ и унесъ кому-то бѣлое письмо.

В. Бруснянинъ.

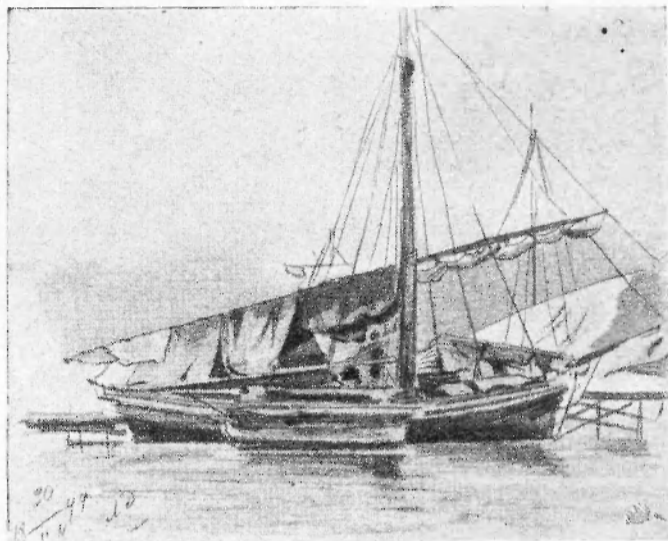

Нѣмецкая женщина.

Очеркъ **И. Макалова.**

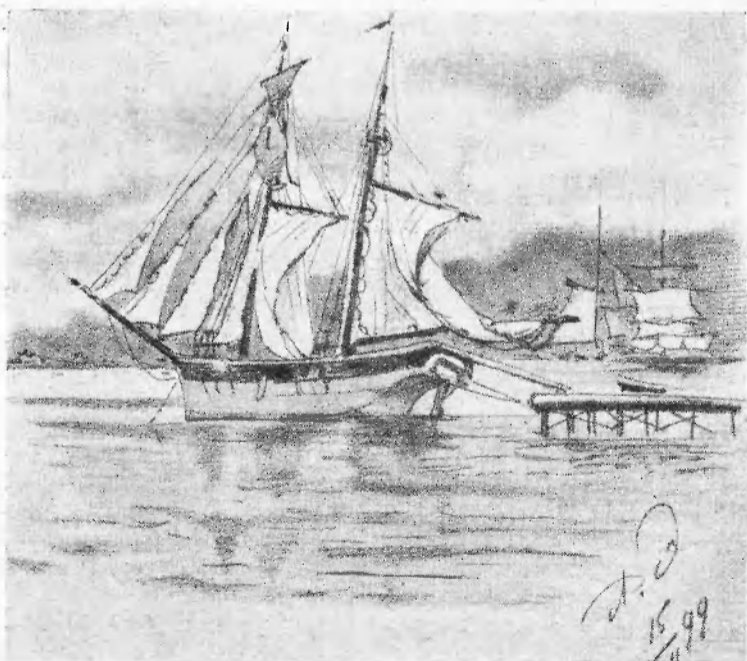
Германская исторія не знаетъ такихъ женщинъ, какъ французская Жанна Д'Аркъ или наша Марфа-Посадница. Нѣмецкой женщиной у нея на родинѣ давно уже открытъ доступъ въ университетъ, между тѣмъ она до сихъ поръ очень мало пользуется этой привилегіей, которая заставляетъ завидовать ей многихъ женщинъ въ другихъ странахъ, и университетскія аудиторіи сплошь и рядомъ заполнены русскими женщинами, т. е. представительницами „низшей“, по нѣмецкимъ представлениямъ, расы. „Kinder, Kuche, Kirche“— вотъ путь, предназначенный нѣмецкой женщиной Вильгельмомъ II. За эту краткую, но содержательную и ясную программу по женскому вопросу на нынѣшняго правителя Германіи сыпалось немало упрековъ. Но развѣ кайзеръ значительно уклонился отъ истины. Развѣ Ницше не заповѣдалъ: иди къ женщинамъ, бери съ собой хлысть. Эгогъ совѣтъ есть тоже цѣлая выразительная программа по женскому вопросу. А „Женнофобія“ Шопенгауера?..

Уже самый видъ женской фигуры показываетъ, по мнѣнію Шопенгауера,— что она не предназначена для слишкомъ большого труда—ни духовнаго, ни тѣлеснаго. Незмѣннымъ свойствомъ женщины онъ считаетъ „инстинктивное“ лукавство и непреодолимую склонность ко лжи. Назначеніе же женщины представляется ему вполне определеннымъ: женщины существуютъ единственно только для распространенія члвчскаго рода, и этимъ исчерпывается ихъ назначеніе. Онѣ не имѣютъ ни воспримчивости, ни истинной склонности ни къ музыкѣ, ни къ поэзіи, ни къ образовательнымъ искусствамъ, и если онѣ предаются имъ и носятя съ ними, то это—не болѣе какъ простое обезьянство для цѣлей кокетства и желаніе нравиться. Отъ этого происходитъ, что онѣ неспособны ни къ какому чисто объективному участию или интересу. На этомъ основаніи Шопенгауеръ полагаетъ, что древніе и восточные народы „правильнѣе опредѣлили принадлежавшее женщинамъ мѣсто, чѣмъ мы съ нашей старо-французскою галантерейностью и нелѣпымъ женопочитаніемъ—этимъ высшимъ цвѣтомъ германской глупости, которое послужило только къ тому, чтобы сдѣлать ихъ до того высокомерными

и беззащитными, что онѣ порою напоминаютъ священныхъ обезьянъ Бенареса, которыя, въ сознаніи своей святости и неприкосновенности, позволяютъ себѣ все и вся“.

Вотъ „женская“ точка зрѣнія величайшихъ умовъ Германіи. И эта точка зрѣнія не случайна, она глубоко-національна, ибо она является отраженіемъ всего женскаго уклада, начиная съ далекаго прошлаго. Мы видимъ, что въ прошломъ Германіи даже въ рабочихъ демократическихъ слояхъ населенія нахождение съ женщиной за однимъ рабочимъ столомъ считалось для мужчины большимъ позоромъ. По крайней мѣрѣ „Всемигостивѣйшій императорскій декретъ“, опубликованный 30-го апрѣля 1772 года, вводилъ важнѣйшее новшество, которое вызвало сильнѣйшій ропотъ въ кругахъ мастеровъ и подмастерьевъ и долго не признавалось: „Женщины,—предписывалось этимъ декретомъ,—должны быть допущены къ занятію различными ремеслами, особенно въ области производства тканей, и честь подмастерья не должна считаться опороченной, если онъ работаетъ въ той же мастерской, гдѣ работаютъ женщины“. И Шопенгауеръ, и Ницше, отмежевывая женщинъ узкія области дѣятельности, равно какъ и императоръ Вильгельмъ со своей „трехзначной“ формулировкой женскихъ достижений, хорошо знали нѣмецкую женщину. Въ безпорывистой, флегматичной и не уносящейся вдаль нѣмецкой дѣвушкѣ, готовящей съ малолѣтства свое приданое, они различали неизмѣнныя, почти вѣчныя черты ея прародительницы, и въ этомъ отношеніи они „національнѣе“ и, если можно такъ выразиться, „историчнѣе“, нежели Августъ Бебель, Роза Люксембургъ и Клара Цеткинъ. Нѣмецкая женщина во все времена была всецѣло подчинена своему мужу и въ рабскомъ страхѣ предъ нимъ исполняла не только его желанія, но и прихоти. Глава семьи, это—повелитель, и ему присвоены деспотическія права. „Главной чертой характера моей матери,—говоритъ Юстинусъ Кернеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о юношескихъ годахъ въ родительскомъ домѣ,— было проходящее красной нитью черезъ всю ее жизнь смиреніе, послушаніе и даже страхъ предъ своимъ повелителемъ. Его воля была для нея строгимъ закономъ, все ея стремленія были направлены къ тому, чтобы поддерживать въ немъ хорошее расположеніе духа и отстранять отъ него все неприятое“. Прошлое германской женщины по своей тягостности и беспросвѣтности можетъ сравниться развѣ только съ прошлымъ восточной женщины. Исторія нѣмецкой культуры въ этомъ отношеніи сохранила намъ немало доказательствъ въ фактахъ изъ жизни по-

Къ войнѣ съ Турціей. Турецкія фелюки въ Черномъ морѣ (рисунки А. П. Эйсснера).

слѣднихъ двухъ столѣтій. Riche въ своей „Die Familie“ рассказываетъ, что еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, когда незаконнорожденная дѣвушка вступала въ бракъ, то съ церковнаго амвона объявляли, что она — „дѣти блудницы“. За сожителство со своимъ женихомъ до пастырскаго благословенія невѣстѣ запрещалось носить вѣнецъ во время вѣнчания. За нарушение этого запрещенія она подвергалась отлученію отъ церкви. Путь падшей дѣвушки усыпали рубленой соломой, а у дверей церкви она должна была много разъ публично приносить покаяніе. Прегрѣшившихъ женщинъ по воскресеньямъ послѣ окончанія богослуженія наказывали „железнымъ ошейникомъ“. Вблизи входа на церковный погостъ неподвижно стояла падшая дѣвушка и надъ головою ея развѣвался бѣлый платокъ, какъ символъ потерянной невинности. Вообще же любовь выливалась въ крайне грубыя и примитивныя формы. На первомъ планѣ былъ расчетъ, любовь же была чѣмъ-то третьестепеннымъ. Прежде всего справлялись объ имуществѣ жениха или невѣсты и лишь послѣ того, какъ эта важнѣйшая сторона вопроса была урегулирована ко взаимному удовольствію родителей, заключался бракъ молодыхъ. Влюбленный всегда считалъ долгомъ въ письмахъ къ своему предмету подробно говорить о своемъ происхожденіи и имущественномъ положеніи. А „предметъ“ неизмѣнно отвѣтствовалъ, что „подобныя дѣла зависятъ отъ совѣта и мнѣнія родителей“. Этотъ любовный реализмъ все же былъ чище и искреннѣе смѣнившаго его затѣмъ любовнаго романтизма, представителями котораго являлись поэты Виландъ, Якоби и др. Грубость молодого супруга, всецѣло поглощеннаго хозяйственными дѣлами, меньше претитъ здоровому человѣческому чувству, чѣмъ непрерывныя искусственныя воздыханія страдающаго молодого Вертера, обливающаго слезами объектъ

Изъ альбома художника. 1. Турокъ (рисунокъ А. П. Эйснера).

Изъ альбома художника. 2. Турецкій милиціонеръ (запѣтый). 3. Мечеть на черноморскомъ побережьи. 4. Минаретъ мечети (рисунокъ А. П. Эйснера).

своей страсти и съ какимъ-то садизмомъ выскивающего для себя все новыя любовныя мученія. Въ атмосферѣ такого деспотизма и такого почитанія не могла воспитаться сильная духомъ и сердцемъ германская женщина. Историческое ей прошлое не могло не навязать ей тѣхъ пороковъ, на которые указывалъ Шопенгауеръ, и не могло не превратить ее въ „№ 2 человѣческаго рода“, которому опасно предоставлять всѣ права, и возможности котораго должны быть ограничены вильгельмовскимъ „треугольникомъ“.

И. Накатовъ

Шестистишіе.

(Съ итальянскаго.)

Я доврчивѣ, какъ ребенокъ.
Оттого, что стань твой тонокъ,
Оттого, что ты гибка
И полна священной мѣры,
Какъ въ Уффицѣ, у Венеры,
Обнаженная рука.

Германъ Качаловъ.

Аттакa англиской морской пѣхоты.

Три голоса.

Стихотворения **Георгія Иванова.**

1.

О, твердость, о, мудрость прекрасная
Родимой страны.
Какая увѣренность ясная
Въ исходѣ войны.
Ликуютъ германцы кичливые,—
У края бѣды,—
А мы, испытаньемъ счастливые,
Спокойно-горды.
Не стало ли небо просторнѣе,
Свѣтлѣй облака?
Я знаю, воители горніе
За наши войска!
Идутъ съ просвѣтленными лицами
За родину лечь,—
Надъ ними небесные рыцари
Съ крылами у плечъ.
И, если устали, ослабли мы,
Не видимъ въ ночи,—
Скрещаются съ вражьими саблями
Безплотныхъ мечи.

2.

Черная туча надъ Сербіей
Повисла съ іюльскихъ страдъ
И грома удары первые
Скоро ее потрясли.
Наглымъ полетомъ хищника
Черный кобчикъ взлетѣлъ...
Въ синемъ Дунаѣ розовой
И мутной стала вода.
Наши смѣлые юноши
Гибнуть въ славномъ бою,
Прекрасныя наши дѣвушки

Молятся и плачутъ о нихъ.
Не напрасно, товарищи,
Льется сербская кровь—
Мужайтесь въ часъ испытанія,
Дѣти орловъ степныхъ!
Защитники дѣла праваго,
Свою не жалѣйте жизньъ—
Освобожденная Сербія
Не забудетъ вашихъ именъ.
А вы молитесь, прекрасныя,
Чтобы въ смертномъ бою
Сломилъ чернаго ворона
Свѣтлый Ангелъ Славянъ.

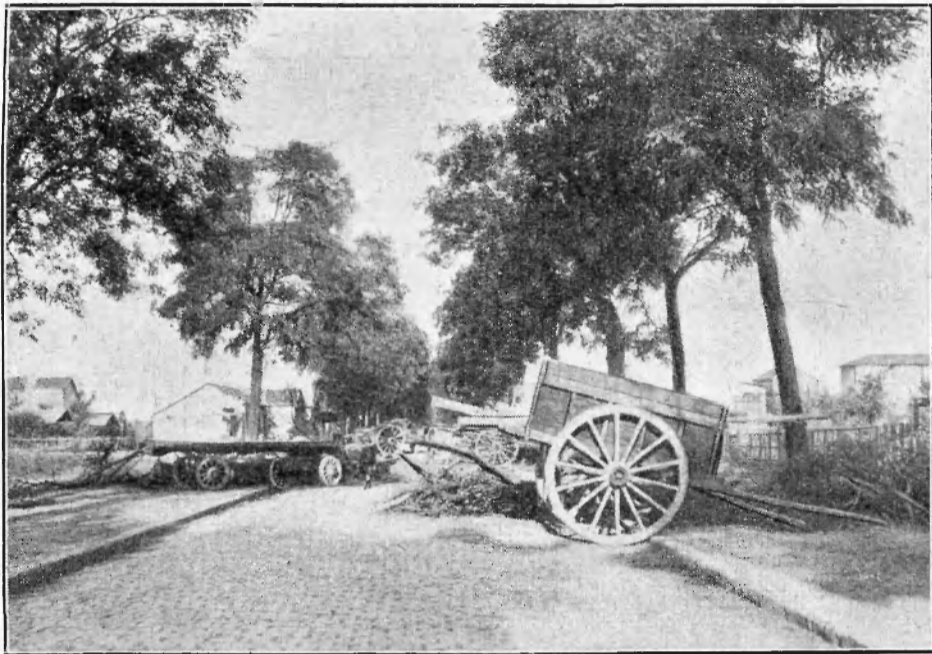
3.

Въ блѣдномъ небѣ—мѣсяцъ хилый,
Въ сердцѣ—грусть и тишина...
Ты уѣдешь завтра, милый,
И останусь я одна!
Помнишь ферму, огороды,
Виноградникъ надъ ручьемъ,
Тѣ безоблачныя годы,
Что мы прожили вдвоемъ?
Но блеснула изъ-за башенъ
Льеза гнѣвная заря—
И спѣшишь ты въ бой безстрашенъ,
Свѣтлымъ мужествомъ горя.
Такъ прощай же, милый, милый,
Богъ тебя благослови,
Будь силенъ священной силой
Чести, правды и любви!

Георгій Ивановъ.

Король Бельгии Альбертъ.

Баррикада во французской деревнѣ.

Чары Меркурія.

Статья **Сергѣя Городецкаго.**

Нѣтъ теперь городка въ Италіи, гдѣ бы не стоялъ памятникъ Виктору Эммануилу, объединителю Италіи. Много пришлось поработать итальянскимъ скульпторамъ надъ лѣпкой коротенькой, толстой фигуры. Только что законченъ въ Римѣ огромный, далеко не художественный, памятникъ тому же объединителю. Превыше Капитолія поставленъ тамъ золотой всадникъ, видный отовсюду.

Но есть ли еще *Populus Romanus*? Подъ силу ли ему вынести тотъ вѣтъ, котораго требуетъ сейчасъ отъ него Исторія?

А голосъ Истории звучитъ въ наши дни достаточно вразумительно и громко. До войны онъ былъ не слышенъ. Тихо плелась колесница жизни, и можно было на землѣ дремать и мечтать. Но съ первыхъ же дней войны все измѣнилось. Какъ колоколъ, раздался голосъ Истории.

И кто теперь его не слышитъ, тотъ гибнетъ.

И вотъ, что этотъ голосъ говоритъ Италіи:

Прекрасная Италія!

Ты—счастливейшая страна на свѣтѣ.

Вѣчное солнце сияетъ надъ тобой!

Ты—колыбель европейской культуры.

Каждая пядь твоей земли хранитъ воспоминанія о славномъ твоёмъ прошломъ.

Памятники древней красоты живутъ въ твоихъ городахъ, на твоихъ дорогахъ.

Ты первая показала міру лицо латинской расы.

И ты первая узнала, что такое варвары.

Ты оцѣнила ихъ по достоинству и взяла ихъ себѣ въ наемники.

Германцы долго были твоимъ наемнымъ войскомъ.

Когда же ты кончала блестящій циклъ древнихъ вѣковъ и мучительно переходила къ новой жизни, германцы, твои наемники, подняли на тебя руку и грубо терзали твое прекрасное тѣло.

Прошли вѣка.

Въ міръ пришли славяне.

Міръ обогатился съ ихъ приходомъ. Солнце Любви поднялось изъ славянскихъ странъ.

Оно грѣло и тебя, и все больше грѣетъ.

Славяне любятъ тебя, прекрасная Италія, и твою древнюю культуру.

И вотъ вспыхнулъ грозный бой.

Германецъ захотѣлъ владѣть міромъ.

Народъ безъ солнца, твой бывший наемникъ!

Славяне и латинскія расы соединились для борьбы съ германцами.

Это — священная борьба! Это—великій бой!

И ты, прекрасная Италія, не подняла меча въ защиту всего, чѣмъ ты жива и прекрасна.

Неужели ты не хочешь жить и быть прекрасной?..

Такъ говоритъ голосъ Истории, обращаясь къ современной Италіи. Римляне не заставили бы

его говорить такъ долго. Они съ первымъ бы звукомъ обнажили мечъ. Они были истыми и вѣрными сынами Юпитера-Громовержца и Аполлона-Лучника.

Для повседневной жизни, для торговли, для дѣлеж, для мореплаванія у нихъ былъ другой богъ, Меркурій. Но въ такую минуту, какъ сейчасъ, они отдали бы себя подъ покровительство Юпитера и Аполлона.

Нынѣшніе итальянцы забыли про Юпитера и Аполлона

Они больше всего возлюбили Меркурія.

Чары Меркурія овладѣли ими.

Итальянцы! Не таковъ теперь часъ. Теперь гроза въ мірѣ, молніи летаютъ надъ землей и грѣхочетъ громъ. Теперь не мѣсто мелкимъ чувствамъ, теперь великихъ чувствъ время. Теперь исполняются заветныя мечты народовъ.

Развѣ у васъ ихъ нѣтъ?

Но о мечтахъ вѣдь не торгуются. Ихъ забываютъ или ихъ завоевываютъ.

Такъ покажите же себя единымъ, какъ древо, и великимъ народомъ, умѣвшимъ въ рѣшительныя времена быть рѣшительнымъ.

Именемъ Юпитера и Аполлона скиньте съ себя чары Меркурія!

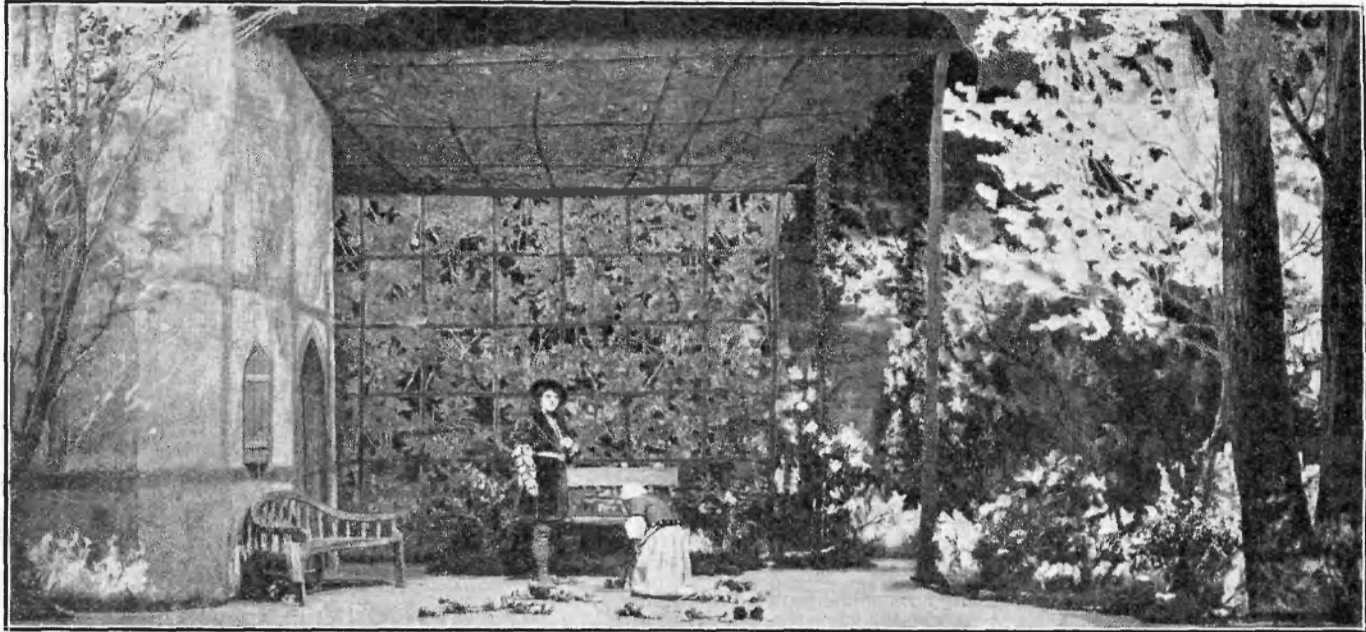
Сергѣй Городецкий.

ПРОЛОГЪ

Новый Колумбъ.

И опять трепещутъ флаги,
И шуршатъ, шуршатъ вымпела,
И равнина сіяющей влаги
Предо мной широка, свѣтла.
И опять я покинулъ берегъ,
Ищу невѣдомый слѣдъ
Къ прибрежьямъ новыхъ Америкъ,
Суровыхъ, новыхъ побѣдъ.

Германъ Качаловъ.

Садъ Маргариты.

„Фаустъ“ Гуно какъ драматическое представлѣніе.

(„Театръ музыкальной драмы“. Новая постановка оперы „Фаустъ“.)

1.

Заглавіе моей статьи вполне опредѣленно указываетъ, что я не собираюсь выступать въ чуждой мнѣ роли музыкальнаго критика. Если же кому нибудь покажется страннымъ намѣреніе оцѣнить исполненіе оперы съ драматической точки зрѣнія, то я просто сошлюсь на то, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о постановкѣ „Фауста“ на сценѣ театра „Музыкальной драмы“.

Идеи, которыми задалось это молодое художественное предпріятіе, далеко не новы. Еще Вагнеръ требовалъ, чтобы въ оперномъ произведеніи цѣлью выраженія была драма, а музыка—только средствомъ. Но, какъ справедливо замѣчаютъ антагонисты петроградскихъ оперныхъ новаторовъ, Вагнеръ искалъ для осуществленія этого принципа особыя

музыкально-драматическія произведенія, а „Театръ музыкальной драмы“ оперируетъ съ такими, авторы которыхъ не отводили драмѣ равноцѣннаго съ музыкой значенія. Такъ напримѣръ театръ имѣетъ въ своемъ репертуарѣ того самаго Римскаго-Корсакова, который въ ремаркахъ („Сказаніе о градѣ Китежѣ“) требовалъ, чтобы вниманіе слушателя не отвлекалось драматической игрой. Загѣмъ, поскольку можно судить по новой постановкѣ „Фауста“, вожди „Музыкальной драмы“, окончательно порвавъ съ какими бы то ни было традиціями, стремятся уже не къ сліянію музыкальнаго и драматическаго элементовъ, а къ придачу драмѣ преимущественнаго рѣшающаго значенія. Такъ напримѣръ въ новой постановкѣ оперы Гуно сцена у собора, гдѣ Мефистофель терзаетъ Маргариту воспоминаніями, опущена совсѣмъ, а

„Вальпургіева ночь“.

Вальпургіева ночь — возстановлена. Первая сцена зрла только въ музыкальномъ отношеніи, вторая по звуковой иллюстраціи блѣдна и невыразительна, но зато даетъ широкій просторъ режиссерско-драматической работѣ. Все это даетъ полное основаніе для обсуждения, въ какой мѣрѣ дирекція „Музыкальной драмы“ удалось дать въ „Фаустѣ“ Гуно не традиціонную оперу со всѣми законными условностями, а истинное драматическое представленіе.

2.

Итакъ, въ постановкѣ „Музыкальной драмы“ старый, популярный „Фаустъ“ явился въ новомъ обликѣ,—не текстъ иллюстрировалъ музыку, а музыка—текстъ. Конечно это не могло быть достигнуто безъ коренныхъ реформъ. Какъ профанъ въ музыкѣ я лишень возможности оцѣнить эти реформы, но какъ рецензентъ не могу ихъ не отмѣтить.

Прежде всего театръ воспользовался не подлинной партитурой Гуно, а ея переработкой Делибомъ (о чемъ, кстати сказать, не сочтено было нужнымъ заблаговременно извѣстить публику). Мало того, транскрипція Делиба была подвергнута еще новой перекройкѣ трудами самой дирекціи театра. Повторяю, какъ профанъ я совершенно не знаю, почему Делибъ *младший современникъ* Гуно, болѣе правомоченъ въ истолкованіи авторскихъ намѣреній, чѣмъ самъ творецъ „Фауста“, а дирекція молодого театра — болѣе правомочна и Гуно, и Делиба, вмѣстѣ взятыхъ. Какъ знать, можетъ быть, въ области музыкальной драмы авторскія намѣренія — и въ самомъ дѣлѣ пустой предразсудокъ? Такъ напримѣръ до сихъ поръ мы, профаны, думали, что увертюра обязательно является авторскимъ „кредо“ для всей оперы. Но въ отчетной постановкѣ совершенно купирована молитва Валентина („Богъ всеисильный“), которая такой мощной темой проходитъ въ увертюрѣ. Далѣе, иллюстрируя драматическимъ дѣйствіемъ музыкальный текстъ, Гуно сопровождаетъ проявленіе призрака Маргариты (1-ая картина) оркестровой имитацией журчанья прятки, и казалось бы естественнымъ, что призракъ изображаетъ дѣвушку за прядениемъ. А въ „Музыкальной драмѣ“ является просто красивая вакхической красотой, слегка напоминающая Маргариту, женщина, никакимъ полезнымъ рукодѣльемъ не занимающаяся, и журчанье прятки въ оркестрѣ становится уже непонятнымъ, не вижущимся своей индивидуальностью съ чувственностью видѣнія. Но, можетъ быть, въ этомъ и въ самомъ дѣлѣ—последнее слово драматизаціи музыки, чтобы солдаты шли въ бой подъ могучіе аккорды мелодіи „Чирикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ“, а новобранцы встрѣчали звуками похороннаго марша Шопена?

Затѣмъ дирекція музыкальной драмы показала „тяжелую хозяйскую руку“ въ распредѣленіи партій. Фауста поетъ драматическій теноръ, а не лирический, какъ обыкновенно. Партия Зибеля поручена не женщинѣ-травести, а мужчине. Впрочемъ последнее замѣтно менѣе всего, такъ какъ музыкальная роль Зибеля совершенно сведена „на-нѣтъ“: не

партия, а сплошная купюра. А такъ какъ Зибель былъ друженъ съ Валентиномъ, то пострадалъ за компанію и братъ Маргариты: дирекція снисхождительно разрешила Валентину только умереть отъ шпаги Фауста, и больше ничего!

Таковы главныя реформы въ музыкальной части оперы Гуно. Перехожу теперь къ драматической сторонѣ постановки.

3.

Положительно поражаешься, сколько ума, работы и вдохновения положено дирекціей на режиссерскую часть „Фауста“. Сценическіе образы оригинально и интересно продуманы, декорации изумительно красивы, массовыя сцены сдѣлали бы честь Рейнгардту и Станиславскому. И тѣмъ не пріятнѣе по-

Сл

ражаетъ досадный промахъ въ плоскости и пропорціональности отдѣльных картинъ. Режиссура молодого театра все время пользуется всей шириной сцены и этимъ отнимаетъ у своей палитры рядъ яркихъ красокъ. Получается такъ, что кабинетъ Фауста величиной съ соборную площадь, а тюремная келья Маргариты такъ же просторна, какъ мѣсто, гдѣ разыгрывается чертовскій шабашъ. Если бы кабинетъ ученаго, комната и тюрьма Маргариты были наполовину стѣснены рамками, то не только соответствующія картины выиграла бы въ интимности, но и массовыя сцены, раздвинутыя въ полную ширину завѣса, приобрѣли бы больше простора. И вѣдь это было бы вѣрнѣе по трагедіи Гете, къ которой такъ явно хочется приблизиться „Музыкальная драма“ въ этой постановкѣ. Въ ремаркѣ Гете къ первой картинѣ говорится: „Крутосводчатая, тѣсная, готическая комната“, а

предъ зрителемъ развертывается кабинетъ величиной съ добрый сарай. Впрочемъ первая картина — вообще самая неудачная въ этой постановкѣ. Къ тому же непроницаемый мракъ, царившій на сценѣ, не позволялъ разглядѣть что либо въ деталяхъ.

Зато подавляюще прекрасна картина—ярмарочное гулянье. Оригинально дано продольное дѣленіе сцены, причѣмъ на первомъ планѣ — таверна съ пирующими горожанами (изумляетъ чарующая пластичность группировокъ и жизненная игра хора), а на второмъ—площадь, залитая солнцемъ. Къ сожалѣнію на нашемъ рисункѣ*) второй планъ, благодаря условіямъ фотографической съемки, вышелъ затемненнымъ и на немъ не видно красочной средневѣковой толпы, все время живущей лихорадочной жизнью.

Третья сцена раздѣлена на двѣ картины: первая про-

выхъ рукъ. Но Мефистофель дѣлаетъ властный жестъ. Одна секунда тѣмъ... И утѣсь, залитый багровымъ свѣтомъ, оказывается усѣянными обнаженными тѣлами ожившихъ вакханокъ!

4.

Интересна и оригинальна трактовка главныхъ оперныхъ персонажей. Въ „Музыкальной драмѣ“ Мефистофель—не шутовской чертъ въ яркомъ плащѣ, а символъ, воплощеніе скепса. Тутъ Мефистофель не злобствуетъ, не ненавидитъ, а просто полнъ презрѣнія къ низменности человѣческихъ стремленій. И въ предѣлахъ этой трактовки г. Мозжухинъ, игравшій эту роль, далъ яркій и законченный образъ.

Интересно схвачена Маргарита въ исполненіи г-жи Покровской. Это—скромное, наивное, чуть-чуть вульгарное, но трогательное въ своей примитивности и простотѣ существо, только бѣдно одѣтая мѣщаночка. Артистка показала недюжинное драматическое дарованіе, когда послѣ объясненія Фауста (сцена въ саду) упала на колѣна, заклиная Фауста пощадить ее и уйти. Что же касается самого Фауста, то съ драматической стороны онъ показался мнѣ блѣдоватымъ.

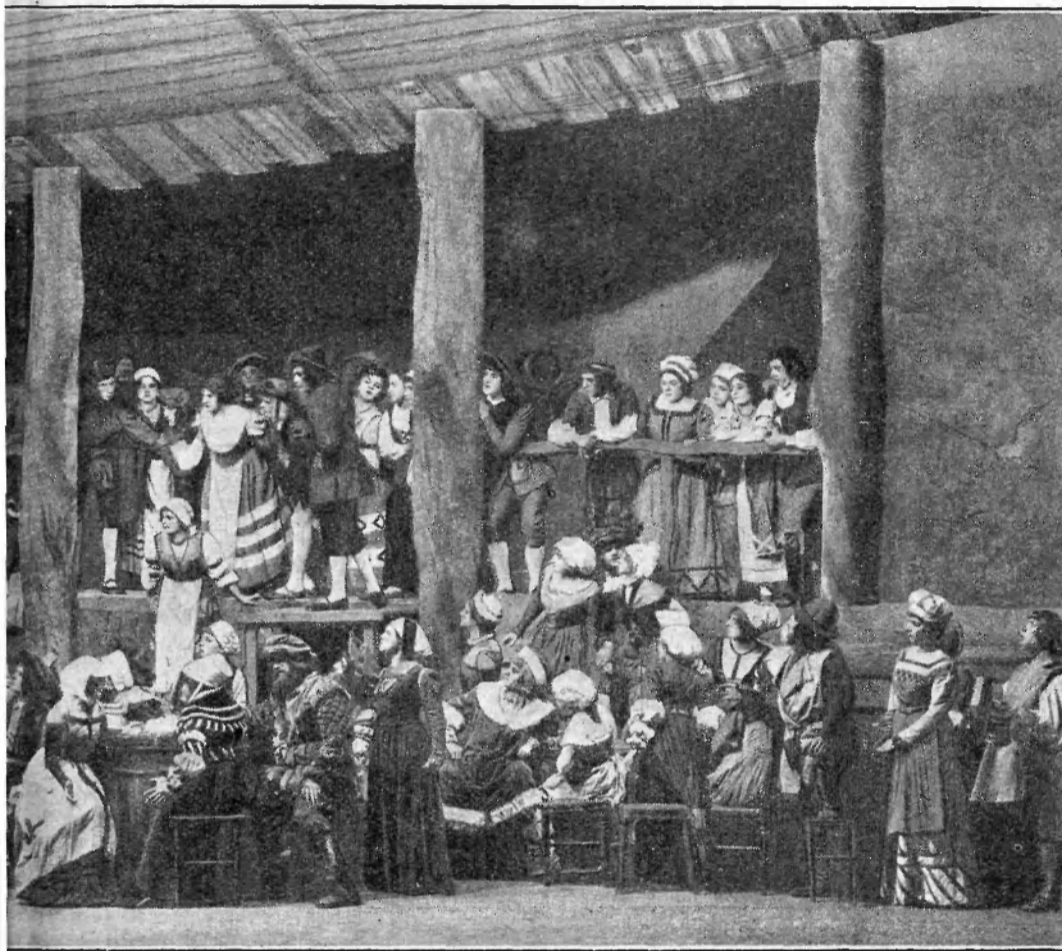
Необходимо отмѣтить еще характерную сторону режиссерской работы въ этой постановкѣ. Въ оперѣ совершенно отброшенъ элементъ чертовщины, но тѣмъ ярче и осозаннѣе проступаетъ мистическій налетъ драмы. Нѣтъ появленія изъ-подъ земли, что не мѣшаетъ Мефистофелю дѣлать изумительные, совершенно незамѣтные выходы. Въ чашѣ съ волшебнымъ напиткомъ не загорается бенгальскій огонь, услужливая рука не сдерживаетъ со старика-Фауста плаща съ парикомъ и бородой. Призракъ Маргариты появляется безъ удаленія части стѣны, а кажется именно прекраснымъ видѣніемъ, которое само собой вырисовывается въ комнатѣ, но не въ видѣ свѣтовой картины, а живымъ человѣческимъ тѣломъ. Но всѣхъ интересныхъ деталей постановки не перечтешь: чтобы подробно отмѣтить всѣ плюсы и минусы ея, надо написать не статью, а книгу!

5.

Итакъ, резюме. Явила ли новелла постановка намъ истинную драму? Не совсѣмъ, потому что въ пегинной драмѣ люди, готовясь убить другъ друга (сцена дуэли), не произносятъ напрямѣръ длинныхъ монологовъ (арія Валентина). Но молодой театръ приблизился къ истинной драмѣ настолько, насколько, это было вообще возможно не искажая окончательно творенія Гюно.

Затѣмъ со многими въ трактовкѣ не соглашаешься, многое кажется ошибочнымъ, многое неприятно нарушаетъ привычное представленіе о старомъ, миломъ „Фаустѣ“. По развѣ можно сдѣлать большое новое дѣло такъ, чтобы съ нимъ сразу въ полной мѣрѣ согласились всѣ? И можно ли быть новаторомъ, щадя неоправдываемыя разумомъ и логикой традиціи только потому, что къ нимъ „привыкли“?

А, главное, на какой низкой ступени развитія осталось бы искусство, если бы, боясь ошибокъ, каждый дѣятель его продолжалъ робко топтаться на мѣстѣ! **Евг. Мауринъ.**

въ кабачкѣ.

ходить въ комнату Маргариты, вторая—въ саду. Такое дѣленіе внесло больше логики въ драматическое дѣйствіе, но утяжелило игру парочекъ, а квартетъ вышелъ совсѣмъ нелѣпымъ по сценической ситуациіи. Садъ Маргариты съ декоративной стороны—грёза поэта, пронизанная чарами лунной ночи. Только трудно вѣрится, что у бѣдной мѣщаночки Маргариты могъ быть при скудномъ домикѣ такой квяжескій паркъ.

Вальпургиева ночь—шедевръ союза ума съ вдохновеніемъ. На скалистомъ утѣсѣ, вознесшемся надъ пропастью, видѣются неподвижныя бѣлыя пятна. При появленіи Мефистофеля пятна оживаютъ и вытягиваются въ скелеты съ черепами. Страстнымъ томленіемъ по жизни дышатъ движенія костля-

*) По фотогр. К. Фишера.

Утро въ Москвѣ.

Стих. Александра Блока.

Упоительно встать въ ранній часъ,
Легкій слѣдъ на пескѣ увидать,
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.
Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нѣжкость Кремля
Въ это утро—какъ прелесть твоя.

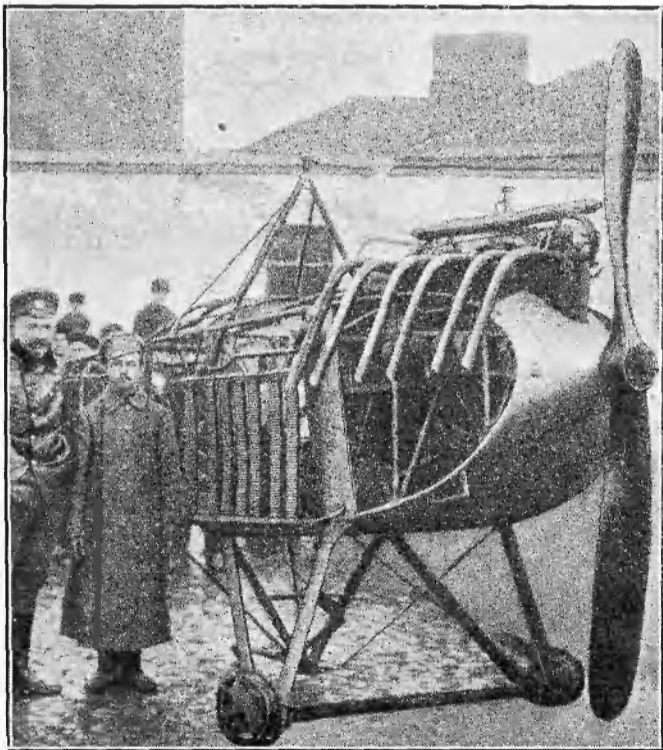
Александр Блок.

Подъ осеннимъ небомъ.

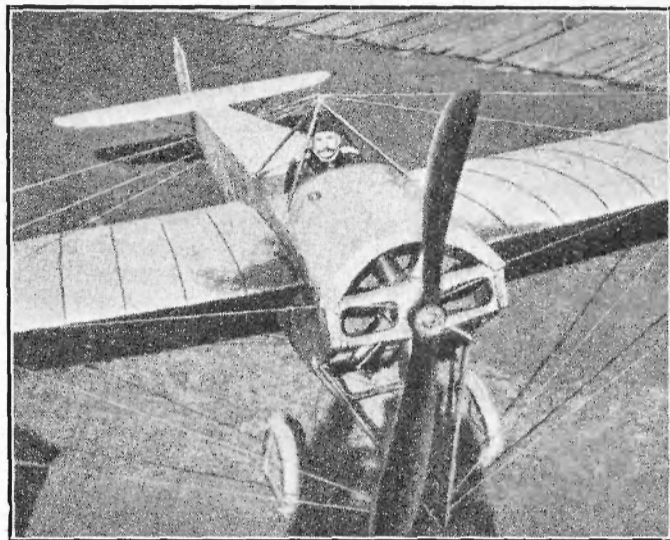
Разсказъ В. Муйжеля.

Это былъ старикъ, почтенный волкъ, давно и безнадежно разочарованный въ жизни. Судьбу свою онъ несъ молча, безъ жалобъ и утѣшительныхъ словъ, въ нѣсколько угрюмомъ, но тихой и спокойной жизни одиночества.

Давно уже угасъ въ немъ задоръ молодости, когда весело было созорничать, налетѣвъ на стадо и вырвавъ изъ самой середины ненужнаго ему въ сущности барана; давно уже излишняя сытость не толкала его на бесполезную гоньбу за какимъ нибудь зайцемъ, и давно уже привыкъ онъ при первомъ подозрительномъ запахѣ, говорящемъ о близости человѣка или собаки, скромно удаляться въ сторону. Прежде, особенно по зимамъ, когда легкость молодого, мускулистаго и почти всегда голоднаго тѣла позволяла гнать бѣшенымъ скокомъ огромныя разстоянія, интересно было пугать ошалѣвшую отъ ужаса лошадь и толкать зубами,

Захваченный кн. Эристовымъ германскій аэропланъ.

Военный летчикъ кн. Эристовъ готовится къ преслѣдованію германскаго аэроплана.

чуть не вскакивая въ сани орущаго проѣзжаго. Занято было раздражить собакъ, подобранныхъ къ самой деревнѣ и перекликаясь съ такими же молодыми, веселыми волчатами тоскующимъ, тонкимъ воемъ; не лишено любопытства было и осторожное, полное риска и отваги, заманчивое разгорячившихся гончихъ цвовъ, высльживающихъ его, въ какую нибудь глухую болотину, гдѣ можно было завязать опасный, но почетный поединокъ.

Даже драгаться съ другими волками пересталъ онъ уже много времени тому назадъ, потому что любовь давно угасла въ его старомъ сердцѣ, а мощный и таинственный инстинктъ продолженія рода былъ удовлетворенъ большимъ потомствомъ безвѣстно разбѣжавшихся по широкой землѣ волчатъ. И въ сущности, много ли нужно одинокому, старому волку, доживающему скучные дни невеселой жизни, равнодушному и къ голоду, и къ суровымъ морозамъ, и къ глухой и тайной тоскѣ лунной ночи? Придавилъ гдѣ нибудь азѣвавшася тетерева, тряхнулъ заблудившуюся въ лѣсу собаченку—и сытъ, и опять можно дремать цѣлыми часами въ темной тучѣ, щурясь на солнце и грѣя лыбѣющую, хрявющую старыя шрамы шкуру. А то и искать не приходится—много на землѣ всякой падали, ободранныхъ лошадей, подстрѣленныхъ и убѣжавшихъ умирать въ чашу валежника зайцевъ и другихъ привычныхъ и не новыхъ случайностей. Правда, пищевареніе у волка отъ старости и отъ того, что въ прежнія времена онъ ѣлъ неразборчиво, глотая съ шерстью и костями, было уже плохое, но и съ этимъ мирился старикъ; если нѣтъ свѣжаго, можно подождать два-три дня—дѣло привычное—пока не попадется что нибудь. Много ли нужно старому, разочарованному въ жизни, покорно несущему бремя ея, волку?

Такъ жилъ онъ долго, не ожидая впереди ничего, кромѣ смерти, таинственной смерти звѣря, загадочно прячущаго свои кости предъ нею. Жилъ онъ въ дремучей болотинѣ стариннаго, заповѣднаго лѣса, куда люди почти не ходили, за исключеніемъ двухъ-трехъ разъ зимою, когда въ стдаленіи гремѣли выстрѣлы и острый утренній холодокъ откуда-то доносилъ противный и враждебный запахъ пороха. Послѣ такихъ случаевъ старикъ всегда не досчитывался кого нибудь изъ знакомыхъ обитателей лѣса: или засѣваго въ берлогѣ медвѣдя, или осторожнаго, всегда готово къ бѣгству, какъ и къ бою, лося, или дикихъ козъ, бродившихъ съ мѣста на мѣсто небольшими выводками.

Волковъ въ лѣсу было мало, поэтому старикъ и из-

бралъ мѣстомъ своего жительства глухую болотину. Тѣ, что были — легкомысленная молодежь — жались къ людскому жилью, думая, что близость его болѣе выгодна, и совершенно забывая о томъ, что нѣтъ ничего опаснѣе, враждебнѣе и ужаснѣе челоуѣка, особенно если въ его переднихъ, верхнихъ лапахъ длинная, бросающая огонь, палка. Молодость всегда глупа, притомъ она безпокойна, всегда дерется, какъ будто не можетъ подѣлнить обширнаго заповѣднаго лѣса, всегда задираетъ и даже — между нами будь сказано — не прочь обидѣть почтенную старость, носящую на своей шкурѣ столько крамовъ, сколько у нихъ зубовъ еще пѣтъ. Жить одному, вдали отъ житейской суеты, — истинный удѣлъ философа. А старый волкъ по своимъ привычкамъ, по глубокой опытности, по умѣнью справляться съ самымъ труднымъ дѣломъ — жизнью — былъ истиннымъ философомъ. Къ тому же близость смерти, уже чувствуемой имъ въ твердыхъ, какъ дерево, и не всегда послушныхъ мускулахъ, въ вломъ биенн сердца, въ плохо грѣющей черной крови, — эта близость конца уже открыла ему кое что, чего не могли понять и знать молодые и легкомысленные. Такъ онъ привыкъ ничему не удивляться, привыкъ терпѣливо сносить невзгоды, привыкъ постоянно остерегаться всего, въ чемъ не былъ достаточно увѣренъ. И много еще зналъ и чувствовалъ онъ, старый, слегка угрюмый, одинокій волкъ.

Поэтому, когда осенней порою съ безоблачнаго неба вдругъ отдаленно и глухо загрохоталъ громъ, волкъ не удивился. Онъ только шире раскрылъ прищуренные глаза, оглянулъ песчаный обрывъ напротивъ, потомъ небо и прислушался. Громъ ударилъ второй разъ — и земля отвѣтила легкой дрожью. Потомъ опять гремѣло вдали, очень далеко, такъ примѣрно на полночи легкаго, разгонистаго волчьаго хода, но небо было чисто, ни единое облачко не заслоняло веселаго осенняго солнца. Что-жъ, этого до спѣхъ поръ не бывало, но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что этого не можетъ быть совсѣмъ. Старикъ опять сощурилъ глаза, оскалилъ желтые, старые зубы и поискалъ, сильно закидывая голову назадъ, въ бокъ. Гдѣ-то грохотало, далеко и глухо, но пока никакой опасности не предвидѣлось. Онъ задремалъ. Такъ продолжалось день, потомъ ночь, потомъ еще день. Потомъ все смолкло — или некогда обращать вниманіе на это, такъ какъ поблизости оказалась равная пулей коза и охота за нею отняла много времени; потомъ уже совершенно неожиданно загремѣло совсѣмъ близко, чуть ли не тутъ же за лѣсомъ. Теперь на небѣ были тучи, но совсѣмъ не грозовыя. Волкъ дремалъ ночь, какъ вдругъ что-то толкнуло его, и онъ поднялъ короткую, лобастую голову. Кругомъ все было спокойно, глазъ не нашель ничего опаснаго. Грохотъ слышался, какъ и прежде, на прежнемъ разстояніи. Но носъ,

Изъ альбома художника. Грузинскій князь (рис. А. П. Эйснера.)

эотъ путеводитель, компасъ, барометръ, эотъ сложный, чуткій аппаратъ настойчиво и громко твердилъ объ опасности. Она была уже тутъ, тянулась по теряющимъ листву кустамъ, по мокрымъ ложбинкамъ, по песчаному оврагу. Волкъ ясно, опредѣленно слышалъ отвратительный, всегда связанный съ близостью двуногаго, вооруженнаго огненной палкой, звѣря, запахъ, смѣшанный запахъ горѣлой селитры, сѣры и еще чего-то, новаго.

Ни слухъ, ни глазъ рѣшительно ничего не могли подсказать волку. Но носъ спорилъ съ ними — и это было странно. Обычно всѣ три хранителя — плюсъ еще одинъ, сильнѣйшій и самый глубокий, — инстинктъ — работали одновременно и согласнo. Теперь споръ нѣсколько удивилъ старика. Это надо было разслѣдовать. Оставаться въ невѣдѣности — самое вредное для лѣснаго звѣря.

Волкъ поднялся, склонилъ голову набокъ и понюхалъ. Сомнѣнн быть не могло. Тогда онъ погнулся, далеко оставляя заднія ноги, какъ это дѣлаютъ залежавшіяся собаки, звѣнулъ, щелкнувъ зубами, и пошелъ, сначала шагомъ, потомъ рысью, слегка бокомъ, низко опустивъ голову и одновременно лова всевозможные запахи, шумы и звуки знакомаго лѣса.

Къ утру старикъ былъ уже у опушки. За это время грохотъ откатился много дальше, такъ же какъ сухая

Бельгійская станція послѣ обстрѣла.

трескотня, доносившаяся приблизительно съ половины пути. Все это, какъ высокая и шумная волна, схлынуло куда-то за сѣрую линию горизонта, и здѣсь, возлѣ опушки, на широкомъ и низкомъ полѣ, сплошь изрытомъ глубокими ямами, наступила тишина. Волкъ осторожно прошелъ по опушкѣ, спугнулъ какую-то собаченку, съ воемъ бросившуюся отъ него, стаю воронъ, лѣнливо чистившихъ носы на сухой рябицѣ, и присѣлъ въ просѣлкѣ, отбуда видно было почти все поле.

Тамъ и здѣсь въ сѣромъ утреннемъ свѣтѣ ненастного дня на этомъ полѣ копошились вороны. Ихъ было много, очень много, цѣлыя стаи. Однѣ взлетали, другія садились, потомъ опять взлетали съ громкимъ, побѣдоноснымъ крикомъ и снова падали въ черную, изборожденную землю. Тамъ, куда птицы садились, видны были какіе-то бугорки, и трудно было разсмотрѣть, что именно это такое?

Это было видно. Слышенъ же былъ только возбужденный крикъ оживленныхъ, иногда ссорящихся воронъ и дальній прерывистый громъ. Но зато запаховъ было неисчислимое множество—и большинство опасныхъ. Тяжелой, плотной пеленой впеѣлъ знакомый запахъ пороха. Потомъ пахло сложнымъ и опаснымъ запахомъ человѣка. И очень пахло. Потому—не менѣе опасный запахъ желѣза, всегда или почти всегда сопутствующій человѣку. Потомъ странное: какъ будто падалю, такъ, чуть-чуть, свѣжей падалю; и уже совсѣмъ странное—кровью. Это волкъ чувствовалъ отлично. Знакомый, рѣзкій, совершенно особенный и выдѣляющийся, какъ слѣдъ упавшей звѣзды въ темномъ небѣ, запахъ свѣжей крови. Въ чемъ дѣло?

Идти сейчасъ туда на поле, гдѣ столько опасныхъ, хотя и манящихъ запаховъ, было глупо. Тяжелая лѣсная жизнь пріучила старика къ терпѣнью. Поэтому онъ выбралъ низкую, развѣсистую ель, склонявшую вѣтви до самой земли, легъ подъ нее такъ, чтобы не терять изъ вида поля, и

сталъ ждать. Онъ прищурилъ глаза, положилъ голову на вытянутыя переднія лапы и задремалъ, какъ дремалъ у себя въ оврагѣ. И такъ лежалъ, почти не шевелясь, только слегка поводя короткими, обрубленными ушами, до вечера. Это было очень долго, день шель еле-еле, но скоротать его помогали тѣ отрывочныя, смѣшанныя съ впечатлѣніями окружающаго міра воспоминанія, что пронеслись неясными, смутными картинками передъ сощуренными зеленоватыми глазами волка.

Подъ конецъ онъ заснулъ, все такъ же прислушиваясь и не упуская изъ вида ни одного новаго запаха, и проспалъ до ночи. А когда почувствовалъ, что спать довольно, было уже темно, и сѣрая, облѣзлая и наполовину сѣдая шерсть не могла быть замѣтной въ этой темнотѣ.

Негноропливо, неслышной поступью, онъ вышелъ изъ-подъ ели, потянулъ разъ, другой воздухъ и пошелъ въ поле. Въ опушки всѣ запахи были еще острѣе и возбуждали сильнѣе. Теперь не было воронъ, и можно было спокойно обследовать причину ихъ оживленія. Волкъ шель тихо, чутко внюхиваясь, и вдругъ остановился: несомнѣнно человѣкъ, и уже мертвый. Живой сложный запахъ пота, кожи, одежды, волосъ и еще многого, свойственнаго человѣку, задернулся легкимъ едва уловимымъ запахомъ разложенія. Старикъ, по-прежнему неслышно ступая и напрягая мускулы на случай внезапнаго отступленія, пошелъ туда.

Да, человѣкъ. Разбросивъ переднія лапы лежитъ лицомъ внизъ. На головѣ кровь, ее-то волкъ и чуялъ такъ хорошо. И недалеко кусокъ головы, пустой и съ острой шишкой наверху. Этотъ кусокъ покрытъ тряпкой такого цвѣта, что его можно и не замѣтить на глазъ. Такъ...

Волкъ тщательно обнюхалъ трупъ, сначала издали, потомъ ближе. Что-жъ, много ли нужно старому, доживающему свои глухіе дни волку? До утра поработать—и три смѣны дня и ночи можно быть сытымъ...

Стоя задними ногами, онъ уже прилежъ на переднія, чтобы приняться за работу, начиная съ головы, отъ которой такъ облазнительно пахло кровью, какъ одновременно два обстоятельства вспугнули его. Онъ быстро вскочилъ, поднялъ морду и остро взглянулъ въ мракъ.

Первое обстоятельство—близкій и страшный запахъ живого человѣка. Онъ такъ рѣзко ударилъ въ ноздри, что сразу стало понятно, что человѣкъ пошевелился. Это было слѣва—изъ неглубокой ямки, незамѣтной прежде. Второе—мелькнувшій вдали огонь. Слабой искрой сверкнулъ онъ на концѣ поля и, качаясь, приостанавливаясь и снова двигаясь, шель сюда. Это уже совсѣмъ было плохо, потому что носъ тотчасъ же подсказалъ: идутъ двое, люди, и съ фонаремъ.

Волкъ осторожно посѣлъ назадъ, быстро оглянулся, попытался еще и повернувшись неслышно отбѣжалъ въ сторону. Человѣкъ глупъ, безъ собаки онъ ничего не можетъ, если отойти подальше, то не страшно. Волкъ отбѣжалъ къ опушкѣ, присѣлъ подъ деревомъ и сталъ смотрѣть.

Огонекъ колебался, нырялъ, поднимался вверхъ и внизъ и качаясь плылъ надъ полемъ. Два человѣка шли, словно разыскивая что-то, а тотъ третій въ ямкѣ не зналъ этого. Это было ясно волку, потому что онъ слышалъ, какъ лежавшій тихо стонетъ и шевелится, распространяя свой запахъ. Двое съ фонаремъ приближались. Они шли медленно и обмѣнивались своими непонятными волчьему племени звуками, и разглядывали тѣ самые бугорки, надъ которыми днемъ кружились вороны. Когда они подошли еще ближе, слышны стали ихъ голоса.

— Врось, Василій, нашихъ пѣть...—говорилъ одинъ, тотъ что съ фонаремъ,—да и ихніе всѣ перебиты... Какъ наперли на нихъ наши, такъ и убрать не успѣли, эво сколько валется...

— И то бросить!.. Отбились мы горлаздь,—гдѣ твой лазаретъ, а гдѣ мы? — отвѣтилъ другой, отъ котораго противно пахло табакомъ,— живыхъ - то и подобрали всего троихъ...

Они остановились, оглядывая съ фонаремъ поле, а волкъ оглядывалъ ихъ.

Звуки ихъ голосовъ ему ничего не сказали, но онъ понималъ, что ихъ нечего бояться. Онъ терпѣливо ждалъ, когда они уйдутъ.

Въ это время тотъ, что лежалъ въ ямкѣ, опять застоналъ. Оба человека разомъ двинулись туда, и когда они повернулись, волкъ увидѣлъ у нихъ на верхнихъ лапахъ возлѣ локтя бѣлые повязки. Онъ смутно бѣлѣли во мракѣ, и по нимъ, такъ же, какъ по фонарю, ясно было видно, куда идутъ люди.

— А вѣдь живой никакъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, приближаясь къ ямкѣ,—четвертаго, Василия, нашли.. Эвонъ... и офицеръ никакъ — усы растопорчены!..

Они подошли совсемъ близко, когда лежавшій въ ямкѣ увидѣлъ ихъ. Мгновеніе онъ смотрѣлъ на нихъ восналеннымъ, блестящимъ полъ свѣтомъ фонаря взглядомъ, потомъ вдругъ рѣзко съѣлъ и лицо его исказилось.

Подошедшие наклонились надъ ямкой и смотрѣли на него.

— Wer da?—хрипло спросилъ лежавшій.

— Ишь ты, говоритъ что-то!— замѣтилъ тотъ, что съ фонаремъ.— Ничего, ничего, теперь будешь живъ, дотащимъ тебя, хошь ты и не нашъ. Въ лазаретъ выправишься!

Лежавшій сморщился, такъ что зубы у него тускло блеснули изъ-подъ свѣтлыхъ усовъ, и быстро сталъ рыться возлѣ пояса.

— Что-жъ, Василий, надо подобрать...—началъ было человекъ съ фонаремъ, какъ вдругъ лежавшій выдернулъ впередъ руку, и въ то же мгновение звонкій и короткий ударъ разсѣкъ воздухъ.

Волкъ подпрыгнулъ отъ неожиданности всѣми четырьмя лапами, какъ тотчасъ же второй ударъ оглушилъ его. Быстрый желтый огонь сверкнулъ въ глазахъ и погасъ—и только, мигая и вспыхивая, въ ямку покатила кувиркомъ слабая искорка фонаря.

Опять противный, тошнотворный запахъ пороха поползъ надъ землею, и въ звенящей тишинѣ послѣ оглушительныхъ выстрѣловъ слышалось только затрудненное хрипѣніе.

Старый волкъ повелъ носомъ; свѣжій, острый запахъ теплой крови донесся до него; онъ наставилъ одно ухо и послушалъ. Хрипѣніе прекратилось—все смолкло и погасла искорка фонаря.

Очень нехорошо было все это. Очень неприятно и странно, и трудно было понять, почему лежавшій въ ямкѣ убилъ подошедшихъ къ нему двоихъ? Вообще все это происшествіе чрезвычайно не нравилось звѣрю. Онъ постоялъ

Турокъ. Рисунокъ Л. Бруни.

въ раздумьѣ, съ нѣкоторой жалостью вспоминая свою первую находку на этомъ полѣ, но думалъ, склонивъ сѣрую, лобастую голову, и тихо повернулъ назадъ, въ лѣсъ.

Съ этими людьми никогда ничего нельзя понять. Конечно жалко богатаго ужина, и притомъ такого свѣжаго, но въ сущности пусть имъ воспользуется кто набудь другой. Старому, почтенному волку не нравилась вся эта исторія, и лучше было уйти подальше. Кто знаетъ, что еще неожиданное, ненужное и опасное могутъ выкинуть эти непонятныя существа? Отъ нихъ надо подальше, не соблазняясь никакими благами. Зачѣмъ-то валяются по ямкамъ, истекая свѣжей, красной кровью, зачѣмъ-то бродятъ съ огненными точками по мертвымъ полямъ.

Надо уходить отъ этихъ странныхъ существъ, даже когда приходится бросить хорошей ужинъ. Ужинъ—пустяки, глупости, можно и не ѣсть два-три дня. По старой привычкѣ это не такъ трудно—все равно поваго жира на зиму не запасать. Да и много ли наконецъ надо старому, начинающему лысѣть, волку, у котораго къ погодѣ ноетъ широкая спина и старые шрамы часто побалтываютъ знакомой, привычной болью?

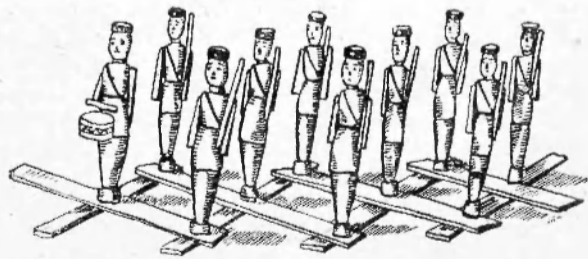
А люди? Ну ихъ совсемъ съ ихъ непонятными дѣйствіями, огненными палками и ненужными убійствами!

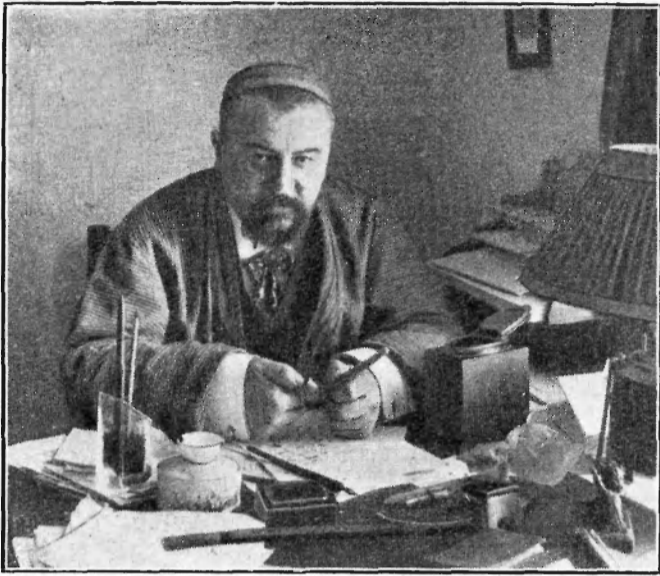
На просѣкѣ волкъ остановился и понюхалъ воздухъ. Пахло смѣшаннымъ запахомъ перьевъ отъ мокрой сороки, сидящей на вѣткѣ рябины, той самой собаченкой, что спугнулъ онъ утромъ, привычнымъ запахомъ земли, вялыхъ листьевъ и дождя, и издали—съ поля, теперь совершенно черного, невидимаго—тонкимъ запахомъ разложения.

Волкъ встряхнулъ влажную шерсть.

Послѣ этого онъ быстро, неуловимо, мелькая сѣрой гнѣю между спящихъ деревьевъ, пошелъ иноходью дальше отъ злого человѣчьяго дѣла.

В. Муйжель.

А. И. Купринъ за своимъ рабочимъ столомъ. (Къ вступле-
нию писателя въ ряды дѣйствующей арміи.)

Литература и война.

Статья проф. К. И. Арабажина.

Inter arma silent musae.

Музы поэзии и искусства — существа нежные, трепетные, съ тонкой духовной организацией. Пугливо озираются они по сторонамъ, слыша грохотъ орудій, лязгъ стали, стоны и крики борющихся, и торопятся скрыться въ самые далекие и укромные тайники человеческой души.

Поэтъ интимнѣйшихъ переживаній, чутко подслушивав-
ший порохи нашей души, проникавшій въ тайны подсозна-
тельного, обаятельный и глубочайшій мудрецъ нашихъ
дней, Морисъ Метерлинькъ, бросилъ творчество и вмѣсто пера
взялъ въ руки винтовку. Онъ ушелъ на войну какъ про-
стой солдатъ, объединенный съ простолюдинами и знатными,
богатыми и бѣдными, мудрецами и простаками одной вели-
кой потребностью бороться за родину, за ея честь, ея сво-
боду, ея культуру.

И тяжелораненый лежатъ онъ въ лазаретѣ, а вмѣстѣ
съ нимъ тяжело ранена и муза поэзии. Въ этомъ есть что-
то символическое.

Inter arma silent musae!

Война, когда она — стихійна, когда она — великое національ-
ное событіе, а не авантюра въ угоду группѣ хищниковъ, —
поглощаетъ все силы народа, все его помыслы, все стрем-
ления, все разногласія въ одномъ великомъ жертвенномъ по-
рывѣ самосохраненія, въ одной волѣ къ стихійной правдѣ
самозащиты націи — великаго коллектива, въ которомъ за-
рождается и творится, и растетъ національная индивидуаль-
ность, а черезъ нее обновляется и индивидуальное творче-
ство, поднимаясь отъ родной почвы къ общечеловѣческимъ
исканіямъ и достижениямъ.

Война за великую стихію національной цѣлости прекрасна,
священна и кроетъ въ себѣ великія истины, какъ все сти-
хійное.

Есть четыре пути постиженія истины:

научный путь съ его правдами опыта, наблюденія, точ-
наго анализа, взвѣшивания, измѣренія и логики;
религиозно-мистическій путь съ его мистическими открове-
ніями божественной истины;
поэтический путь вдохновеннаго прозрѣнія смысла жизни
въ негнѣвныхъ образахъ и замыслахъ художественнаго
творчества, и

стихійный путь постиженія истины, путь, который открыва-
ется народному инстинкту, всегда постигающему наро-
дную правду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правду общече-
ловѣческую.

Эта стихійная правда сказала въ общенародномъ поды-
емѣ, который объединилъ все народности, населяющія Россію,
съ русскимъ народомъ въ одномъ простомъ, чуждомъ бряца-
нія, спокойномъ, но героическомъ рѣшеніи идти на врага и
отдать безъ ропота и слезъ свои силы и свою жизнь за
общую родину, за прекрасныя возможности, раскрывающіяся
только въ ней и только при ея свободѣ, лучшаго будущаго
истинной свободы, счастья, справедливости.

Писатель, если только онъ —

Волна, а океанъ — Россія,

Не можетъ быть не возмущенъ,

Когда возмущена стихія.

И русский писатель откликнулся на войну, но не совсемъ
такъ, какъ на Западѣ.

Метерлинькъ ушелъ на войну рядовымъ солдатомъ, Ава-
толь Франсъ выразилъ такое же желаніе, выпрашивая себѣ
эту радость, эту потребность души у министра войны, не-
смотря на свой преклонный возрастъ.

Inter arma silent musae!

И Метерлинькъ чувствовалъ, что его пугливо-нежная муза
не скажетъ ничего нужнаго и важнаго въ эти моменты сти-
хійнаго хаоса, когда исчезаютъ все тѣни, отбѣнки и бурлятъ,
сверкаетъ, грохочетъ не что единое, однотонное, но могучее
и непреодолимое, дѣйственное.

Анатоль Франсъ тоже не въ силахъ писать. Есть что-то
болѣе сильное, чѣмъ потребность творчества, что-то такое
стихійно-мощное, что поглощаетъ человеческую и профессио-
нальную индивидуальность, дѣлая это поглощеніе свободной
потребностью души, ничѣмъ неодолимой, превращая актъ
самопожертвованія, полного самоотданія и самозабвенія въ
актъ неизреченной радости.

И потому поэты не въ силахъ творить въ эпические пері-
оды народной жизни. Эпосъ приходитъ потомъ. „Война и
миръ“ написана черезъ 60 лѣтъ послѣ Отечественной войны.
Звенитъ лирическая пѣсня, и въ счастливые моменты истиннаго
вдохновенія она создаетъ могучія слова, въ которыхъ
находить исходъ народное воодушевленіе.

Такъ французскій народъ нашелъ выраженіе своей воли,
страсти и жажды свободы въ марсельезѣ, такъ Кернеръ
вдохновлялъ своими пѣснями во дни національнаго возрож-
денія Германію.

Наша поэзія ни въ часы пережитой нами революціи,
ни теперь не создала еще такой пѣсни, которая бы объни-
лась около русскихъ душъ и сплела бы изъ всехъ нитъ одно
восторженное, всеобъемлющее, всезахватывающее пѣснопѣніе,
новый гимнъ народный.

Современные писатели: лирики, драматурги, беллетристы
не поспѣваютъ за великимъ національнымъ моментомъ.

Они тоже „возмущены“, когда „возмущена стихія“, но
гражданское „возмущеніе“ — увы! — не претворилось въ чудодѣй-
ственный пѣсни Тиртея, не двигаетъ камни и не рушитъ города.

Что-то мѣшаетъ современному творчеству подняться на
высоты истиннаго вдохновенія.

Все, что ни приходилось намъ читать въ послѣднее
время, неизмѣримо ниже великаго историческаго момента,
переживаемаго нашимъ народомъ вмѣстѣ со всемъ человѣ-
чествомъ.

Чувствуется если не фальшь, то какая-то ненужность почти
во всехъ беллетристическихъ и лирическихъ переживаніяхъ и
откликахъ на текущія темы. Тутъ дѣло не въ злободнев-
ности, не въ *однотонности* переживаемаго момента, не
въ *элементарности* создаваемаго унисона настроенія, а въ
чемъ-то другомъ.

Л. Я. Липковская съ дочерью. (Къ выступленю артистки въ „Театръ музыкальной драмы“.)

Еще не пришелъ настоящій поэтъ войны, настоящій лирикъ съ настоящимъ огромнымъ восторгомъ. Необходимая пѣсня еще ждетъ своего пѣвца, струны готовы звенѣть и ждать своего вдохновителя. Есть конечно много недурныхъ стиховъ, но нѣтъ настоящаго вдохновенья.

Все, что до сихъ поръ ни приходилось намъ читать въ художественной и драматической литературѣ, не поднимается надъ уровнемъ посредственности и какъ-то отталкиваетъ и расхолаживаетъ.

Усилия поэтовъ и беллетристовъ не стоятъ на уровнѣ великаго и святаго національнаго воодушевленія, въ ихъ творчествѣ чувствуется дешевка ходкаго товара.

Русскіе люди чутки и искренни, дешевой ихъ не подкупить и не увлечь. Они любятъ въ поэзіи святой трепетъ чуткихъ душъ, нѣжный и тонкій ароматъ священной чистоты и искренности. И если въ грохотѣ боя не слышно нѣжныхъ

звучковъ, то ненужны и крикливые и вязглые возгласы писателей, конкурирующихъ своими неприятными взвизгиваніями съ голосами мальчишекъ, продающихъ третье вечернее издание „п-а-а-аслѣднихъ телеграммъ“.

Васпльки и ладныши не цвѣгутъ на дорогахъ, взрываютъ шестнадцатидюймовыми орудіями. Пусть же лучше музы молчатъ и наше военное воодушевленіе не оскорбляется посредственностью злободневной. Когда читаешь не сильное, не глубокое,—обидно за то глубокое и прекрасное, что чувствуемъ мы въ націи.

И, право, намъ начинаетъ быть понятнымъ, что нѣмецкіе ученые присудили ученія степени всѣхъ наукъ какому-то иф-мецкому генералу. Это, можетъ быть,—дико, но не такъ противно, какъ бѣгущая вприпрыжку за великими событіями литературная бездарь.

К. И. Арабакинъ.

Объ искусствахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

1.

Живопись.

Аукционъ художественныхъ произведеній, пожертвованныхъ членами и экспонентами выставокъ „Миръ Искусства“ и другими художниками, а также коллекционерами, прошелъ съ большимъ оживленіемъ. Среди картинъ было много очень цѣнныхъ въ художественномъ смыслѣ вещей, отчасти уже извѣстныхъ, отчасти новыхъ. Были знаменитая «Раковина» Врубеля и его же рисунокъ академической эпохи, были вещи Сѣгова, всѣхъ главныхъ представителей „Мира Искусства“, Добужинскаго, Билибина, Кустодіева, Нарбута, Судейкина, Лансере, Петрова-Водкина, Бенуа, Сомова, Бакста и др. Большое вниманіе возбуждала стѣна, гдѣ висѣли вещи старыхъ мастеровъ. Въ общемъ выручена значительная сумма, которая поступаетъ въ пользу лазарета дѣятелей искусства въ Петроградѣ, открывающагося въ ближайшее время.

2.

Поэзія.

Вышелъ номеръ «Аполлона» со стихами, посвященными войнѣ. Очень любопытенъ этотъ откликъ холод-

ныхъ эстетовъ на текущія событія. Даже ихъ пробудилъ громъ пушекъ. Къ сожалѣнію отсутствіе редактора стихотворнаго отдѣла. Н. Гумилева, ушедшаго на войну, сказалося на выборѣ стиховъ, сдѣланномъ недостаточно строго. Цикль открывается произведеніями Сергѣя Маковскаго, нѣсколько косноязычными и небогатыми римой, но близко затрагивающими современныя темы. За ними идутъ стихи Георгія Иванова, не особенно яркіе. Заговорилъ о пулеметѣ и жеманникъ Кузьминъ. Лучше всѣхъ въ циклѣ стихи Анны Ахматовой. Она подошла къ событіямъ не извнѣ, какъ всѣ, а изнутри, отъ интимныхъ своихъ личныхъ переживаній, и потому ея строки горятъ правдой. Хорошо описание лѣтнихъ лѣсныхъ пожаровъ. Чопорныя строфы гг. Шилейко и Лозинскаго не производятъ впечатлѣнія. Зато полное недоумѣніе вызываютъ упражненія г. Мандельштама. Хотѣли бы мы знать, что значатъ такія строки:

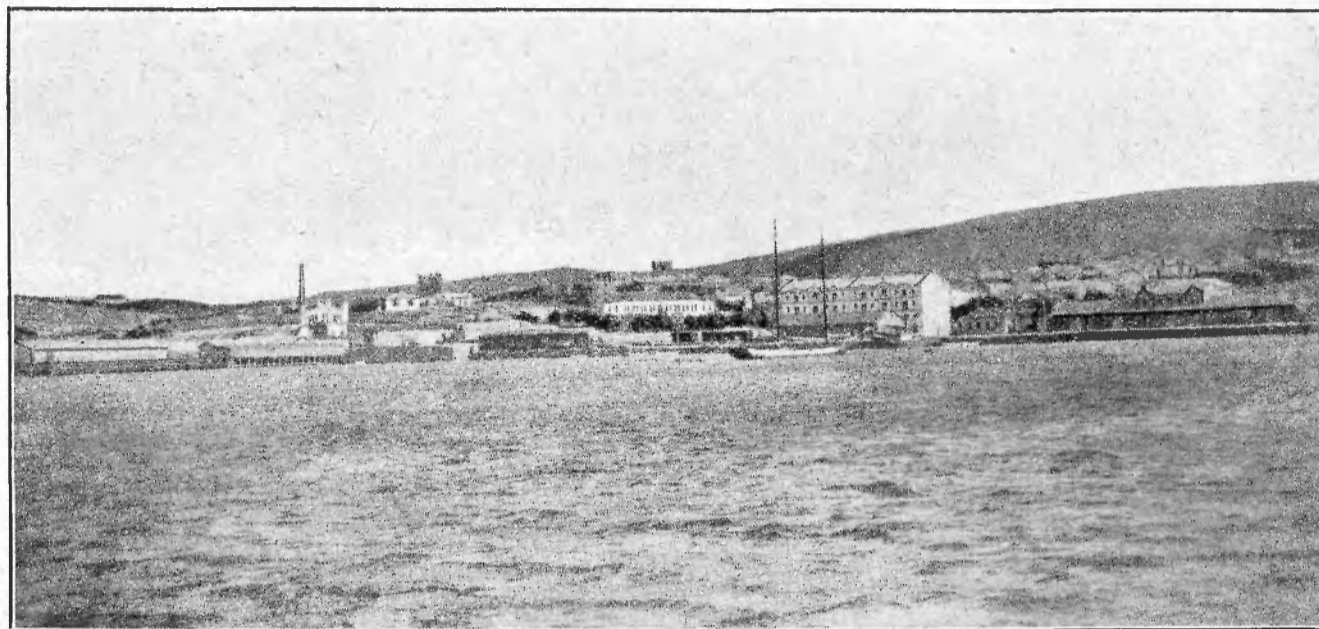
Или возить кирпичи
Солнца дряхлая повозка,
И въ рукахъ у недопоска
Рима ржавые ключи?

Но вѣроятно и самому редактору журнала неизвѣстна тайна этого эстетическаго недопониманія.

Недурно, хотя и многословно, стихотвореніе Б. Садовскаго, которымъ заключается отдѣлъ стиховъ.

Общее впечатлѣніе довольно вялое отъ этого отдѣла.

Печатается и выходитъ въ свѣтъ маленькая книжечка М. Моравской «Стихи о войнѣ».

Къ событіямъ на Черномъ морѣ. Портъ въ Феодосіи.

Нѣмецъ какъ „мужчина-въ-себѣ“.

Статья Леонида Галича.

Нѣмцы называютъ славянъ женственнымъ племенемъ, а себя—мужественнымъ. И точно: развѣ наша Варшава не имѣетъ въ себѣ ласковаго, кокетливаго, податливаго, легкокрылаго женскаго начала, а ихъ Берлинъ—громоздкаго, угловатаго, мускулистаго, мозолистаго, мужскаго? И Франція рисуется женщиной, и Италия вызываетъ къ себѣ подозрительно томящее чувство, котораго никогда не испытываешь къ мужчине. Подлинно, латинскія страны (и во многомъ съ ними схожія славянскія) позолочены какимъ-то лучемъ, который не мелькаетъ въ Германіи или очень рѣдко мелькаетъ. Инстинктъ народовъ угадалъ эту разницу и привѣтливой французской Маріаннѣ въ фригійской шапочкѣ противопоставилъ имѣющихъ въ себѣ германскую кровь нѣмецкаго топорнаго Михеля, англійскаго Джонъ-Буля съ бакенбардами и американскаго Дядю-Саму съ козлиной бородкой. Кстати: не оттого ли всихнувшая теперь среди нѣмцевъ вражда къ Англии и всему англійскому—такая мрачная, тяжелая, злобная, что это—ненависть мужчины къ мужчине?

Помню, лѣтомъ 1913 года актеры лѣтняго театра въ Шанду (Саксонія) пригласили меня на какой-то благотворительный праздникъ, чуть ли не въ пользу почтеннаго графа Цеппелина, побиравшагося тогда Христовымъ именованъ. Пошли мы всѣ, русскіе курортяне. Ставилась патриотическая оперетка, гдѣ пѣли и плясали всѣ страны, и въ концѣ концовъ вышелъ изъ-за кулисъ здоровенный, 10-ти вершковъ, Михель съ засученными выше локтя рукавами, въ мѣдной каскѣ и съ огромнѣйшей саблей, и такъ стукнулъ этой саблей о помостъ, что прочія державы Европы бросились вразсыпную за кулисы. Нѣмецкая курортная публика прямо заревѣла отъ гордости. А верзила-Михель заглѣлъ густѣйшимъ тевтонскимъ басомъ:

Der Michel, der Michel,
Sieht auf Gemütlichkeit!
Der Michel, der Michel,
Der Michel—er hat Zeit.

Францію играла въ этомъ благонамѣренномъ спектаклѣ на-рѣдкость хорошенькая 18-тилѣтняя американка Раутенбергъ, перевезенная въ Германію дѣвочкой. Когда она выходила на сцену въ своей фригійской шапочкѣ, съ задорнымъ блескомъ въ карихъ глазахъ, и пѣла о прекрасномъ Парижѣ (въ который, къ слову сказать, каждый нѣмецъ безнадежно влюбленъ),—въ томъ углу, гдѣ сидѣла наша русская колонія, сейчасъ же начиналась манифестація. Мы, какъ сумасшедшіе, хлопали, и кричали „Vive la France! Vive la belle France!“ И юная, прелестная Франція кланялась въ нашу сторону и улыбалась намъ благодарно и кокетливо, и толстые нѣмецкіе фатеры, тронутые, несмотря на весь свой патриотизмъ, этой сияющей женственностью, тоже хлопали, благосклонно осклабившись, и даже кое-кто намъ завторилъ:

— Fife la Frangse! Fife la pelle Frangse!

Конечно мы ужинали въ эту ночь съ Франціей (она пришла съ матерью, женихомъ и собакой) и пили съ нею за будущность Франціи, и когда мы провозжали ее домой по берегу рѣки Кирничъ, освѣщая темное шоссе бумажными фонариками, глаза дѣвочки мечтательно затуманились и она упорно твердила:

— I hate Germany. I want go to Paris.

Гдѣ ты теперь, стройная, темно-русая, съ такими нѣжными женственными ладонями, саксонско-американская Франція? Почему-то мнѣ настойчиво представляется, что женихъ твой застрѣлился отъ ревности (онъ и тогда былъ подозрительно-сумрачный), мать работаетъ сестрой милосердія въ дрезденскомъ госпиталѣ, а ты съ собакой бродишь своей граціозной походкой по Люксембургскому саду, около статуи покровительницы и старшей сестры твоей, св. Женевьевы. И еще мнѣ неотвязно мерещится, что вамъ обѣимъ нечего дѣлать въ этомъ осажденномъ Парижѣ—и тебѣ, и твоей собакѣ,—и что вы обѣ—жалкія и голодныя.

Назвавъ себя мужскимъ племенемъ, нѣмцы кое-что угадали. Угловатость, мускулистость, мозолистость, deutscher Fleiss, so stark wie die Eiche, это—признаки мужскаго начала, это—тѣ почтенныя

Къ событіямъ на Черномъ морѣ. Пляжъ въ Феодосіи.

добродѣтели, которыя видѣлись въ прародителя нашего Адама, когда его изгнали изъ рая. О, я думаю, что послѣ неприятой исторіи съ древодомъ познанія добра и зла Адамъ сдѣлался очень положительнымъ человѣкомъ, очень серьезнымъ человѣкомъ. Его и рисовать полагаются не праздно погруженнымъ въ мечты, не пляшущимъ и скачущимъ какъ Давидъ, а дѣловито согнутымъ надъ лопатой, которую онъ съ трудомъ вдавливать босой ногой въ землю. Подлинно въ потѣ лица, съ натугой, съ напряженіемъ всей воли и всѣхъ мышцъ, трудится, исполняетъ урокъ.

«Всякую работу весело работать»,—пишетъ Толстой и этимъ обнаруживаетъ славянскую, «не мужскую», не адамову основу своей природы. Адаму-Михелю нисколько не весело работать. Да и *не должно* быть весело, потому что веселая, занимательная, увлекающая душу работа—это будетъ уже не трудъ, а забава. Работа должна дѣлаться съ натугой, съ напряженіемъ, съ приневоливаніемъ себя. Она — проклятіе, она—долгъ, она—заданный упорному, жесткому, серьезному «мужскому» началу тяжелый и противный урокъ. И чѣмъ болѣе тяжелый и неприятный, тѣмъ болѣе благодѣтельный. Потому что на то Адамъ-Михель и мужчина, чтобы знать, что только то цѣнно, только то достойно мужчины, что дѣлается съ приневоливаніемъ себя, съ переламываніемъ себя, не по склонности, а по велѣнію долга. Адамъ-Михель не читалъ Канта: некогда Но, подобно кенигсбергскому мудрецу, онъ не хочетъ быть прилежнымъ по склонности, добродѣтельнымъ и милосерднымъ по склонности, вѣрнымъ и правдивымъ по склонности. Онъ не довѣряетъ инстинкту. Правило, законъ, предписание—вотъ что вызываетъ въ немъ преклоненіе.

Адамъ-Михель вообще очень склоненъ преклоняться и уважать. Онъ, во-первыхъ, уважаетъ свой

долгъ; затѣмъ онъ уважаетъ себя, потому что исполняетъ свой долгъ. Наконецъ онъ готовъ уважать всякаго человѣка, который исполняетъ свой долгъ. Уваженіе составляетъ главную струну его души—весьма почтенной и достойной всякаго уваженія души. Я только не возьму въ толкъ, какъ ухитряются нѣкоторыя женщины влюбляться въ такую преисполненную всяческаго уваженія душу. Говорятъ же, что графиня фонъ Кейзерлингъ всю жизнь свою была влюблена въ Канта. Или геній обязательно имѣетъ въ себѣ, кромѣ уважаемаго Адамова начала, еще другое, менѣе уважительное? И Кантъ былъ не вполне искрененъ, не до конца искрененъ, когда славилъ «категорическій императивъ», какъ единственное «звѣздное небо» внутри себя?

Замѣчательно, что ненависть къ женщинамъ, презрѣніе къ женщинамъ, недоброжелательный взглядъ на женщину главнымъ образомъ идутъ изъ Германіи (Шопенгауэръ, Вейнинггеръ, Ницше). И любопытно, что всѣ эти ненавистники женщинъ и обличители женскаго начала въ самомъ главномъ глубоко правы; во всякомъ случаѣ безконечно болѣе правы, чѣмъ плоскіе и сладкіе раторы «вѣчно-женственнаго», а тѣмъ паче—скудоумные феминисты. Животная прикованность къ настоящему; неспособность и полнѣйшее нежеланіе возвыситься надъ нимъ, одолѣть его, уйти—хотя бы мысленно—изъ-подъ власти наполняющихъ его мимолетныхъ чувствъ и настроеній; неспособность и полнѣйшее нежеланіе вообще уйти изъ-подъ власти субъективнаго въ себѣ, ограниченно-эгоистическаго въ себѣ,—вотъ основа «женственнаго» начала (чтобы не сказать—женскаго). Нѣтъ прошлаго—одно настоящее. Нѣтъ міра, человечества, справедливости—есть то, что *мнѣ сейчасъ правится и сейчасъ не правится.*

«Я не знаю, что будетъ черезъ часъ»,—сознавалась мнѣ въ откровенную минуту одна очень молодая и очень женственная натура.

Декадентство (крайне женственное теченіе!) вошло въ литературный словарь теперь уже достаточно надобвшее множественное число «миги». «Я живу въ мигахъ, для миговъ»,—возглашалъ, помнится, въ 1895 году одинъ весьма даровитый, но еще болѣе недалекий декадентъ. «Въ мигахъ», «для миговъ» и «черезъ миги» живетъ и вообще всякая женственная душа (чтобы не сказать—женская); да и не можетъ жить иначе, потому что у нея не память, а чувства, не памятливая воля. Быть можетъ, оттого-то она и такъ безнадежно-субъективна, что не можетъ оглянуться на себя въ прошломъ, не помнить *чувствомъ*, какая она была вчера, что ей *тогда* нравилось и не нравилось. То, что Шопенгауэръ рассказываетъ объ органической неспособности женщины къ справедливости, къ объективному интересу—только слѣдствіе хитъ пребыванія въ «мигахъ», отсутствия у нихъ глубокаго, долговѣчнаго, проникающаго все существо, единого и неизмѣннаго *вкуса* и замѣна его поминутно мѣняющимися, капризно-мимолетными *вкусами*.

Не отъ этого ли пребыванія въ «мигахъ», не отъ этого ли женскаго поглощенія вкусомъ и капризомъ *минуты* старался убѣждать Кантъ, когда выдумывалъ свой категорическій императивъ? И не отъ этого ли распыленія личности, растеканія личности, не отъ этого ли женскаго, бабьяго субъективизма и моментализма спасается нѣмецкій народъ въ желѣзное ярмо долга, который принудителенъ, неизмѣненъ и господствуетъ надъ всякими «вкусами»?

Но если такъ, то самый мужественный народъ, самый угловатый народъ, самый жесткій и мозолистый народъ есть въ то же время самый угрожаемый въ душѣ своей женственнымъ началомъ народъ. Очевидно не очень-то можетъ довѣрять нѣмецкій Михель стойкости и твердости своихъ вкусовъ, если долженъ ежеминутно одерживать и взнуздывать себя долгомъ. И не похожъ ли этотъ гордый мужчина на очень крѣпко выдрессированную женщину?

Здѣсь пожалуй мы очень приблизились къ загадкѣ нѣмецкой, специфически «мужественной» психологии. А что какъ угловатость, топорность, мускулистость и мозолистость нѣмца—просто хорошо дрессированный, такъ сказать обѣзженный подъ сѣдло *женскій* элементъ въ человѣкѣ? А видимая женственность Франціи, то-есть грація, непринужденность порыва, смѣлая свобода улыбки—именно мужское начало—спокойное, увѣренное въ себя и которому не нужно узды? Инстинктъ народовъ принимаетъ суррогатъ мужественности за самое мужество, и не видитъ, что нахмуренный Михель—просто крѣпко-затянутая въ корсетъ и приклеившая себѣ усы Мальхенъ.

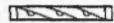
Кстати: нѣмецкая женщина удивительно похожа на нѣмецкаго мужчину. Она тоже изумительно мужественна, то-есть дрессирована въ долгѣ. Она—тоже угловатая и мозолистая и тоже возбуждаетъ къ себѣ всяческое уваженіе. И хотя она красива физически, все же не возьмешь въ толкъ, какъ ухитряются нѣкоторые мужчины влюбляться въ нее.

* * *

Объ отношеніяхъ мужскаго и женскаго у насъ царятъ самыя превратныя представленія. И мнѣ ка-

жется—единственно потому, что подлѣлка подлѣ мужское начало принимается за сущность мужчины. Но конечно не въ одной дрессировкѣ, не въ одномъ приневоливаніи себя, переламываніи себя въ угоду долгу заключается мужское начало; и не только на аккордѣ уваженія настроена мужская душа. Видѣть въ Михелѣ «мужчину-въ-себѣ» означаетъ приблизительно то же самое, какъ считать дрессированнаго шимпанзе Морица, умѣющаго править автомобилемъ, за Эдиссона или Маркони-«въ-себѣ».

Леонидъ Галичъ.

Турецкій фарсъ.

Статья проф. В. Плетнева.

16-го октября открылась новая картина въ той міровой драмѣ, какую мы переживаемъ съ 19-го юля.

Какъ въ „Гамлетѣ“ Шекспира, на широкой сценѣ міровыхъ печалей и всемірныхъ судебъ происходитъ новое, маленькое сравнительно съ тѣмъ, что вокругъ возникаетъ и рушится, но властно-неизбѣжное, какъ и все остальное.

Мы говорили уже въ прошлыхъ статьяхъ, что турки родились подлѣ счастливой звѣзды.

Не въ малой мѣрѣ однако въ составленіи ихъ счастливаго гороскопа участвовали и дипломатическіе официальные астрологи, и астрологическіе фармацевты, выходящіе изъ „руководителей“ общественныхъ круговъ.

Мы съ ужасомъ представляли себѣ въ эпоху совѣмъ недавняго проявленія турецко-болгарскаго нейтралитета состояніе нашихъ освѣдомленныхъ военныхъ круговъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ миссія Сандерса отправилась въ Константинополь, для каждаго военнаго было до очевидности непререкаемо, что наша война съ Германіей неизбежно осложнится и турецкой войной.

Они, какъ представители дѣйствительной силы, вполне понимали, что въ Турціи, какъ и вездѣ, сила эта рѣшитъ все.

Вотъ почему надежды официальныхъ и „уполномоченныхъ“ звѣздочетовъ на то, что все само собою обойдется, горестно томили всѣхъ, довольно пронизательныхъ и достаточно любящихъ для того, чтобы предвидѣть напрасныя жертвы и ужасаться предъ ними. Со времени второй балканской войны и беззащитивныхъ предложеній уступчивостью и ограниченіемъ вооруженій снискать милость враговъ, для насъ было ясно, что дѣло мпра настоящаго, а не дипломатическаго—проиграно безвозвратно.

Мы мечтали и надѣялись только на одно: ограничить кругъ возможныхъ враговъ Россіи созданіемъ немыслимости для нихъ какихъ либо открытыхъ выступленій.

Для этой цѣли оставался одинъ-единственно возможный путь,—это обезначеніе нашихъ границъ со стороны Кавказа введеніемъ фактической, а не астральной автономіи въ армянскихъ вилаятахъ.

Проведеніе армянской реформы во-время и вооруженіе турецкихъ армянъ для противодѣйствія непрерывному истребленію—было такъ-же жизненно желательно для Россіи, какъ жизненно необходимо для Арменіи.

Къ несчастію именно потому, что естественно было только Россіи отстаивать свои интересы, официальные и частные астрологи допустили „содѣйствіе“ Германіи.

Конечно, какъ счастливо призналъ одинъ изъ нихъ, армянская реформа была „нѣсколько смягчена“ нашими врагами-нѣмцами.

Въ итогѣ этого смягченія нѣмце-турки смогли пододвинуться къ нашимъ кавказскимъ границамъ и прочно занять армянское плато, которое является стратегическимъ ключемъ

къ овладѣнію Месопотаміей и путемъ на Константинополь.

Всѣ подлинно затронутые борьбой спорили и боролись. Армяне турецкіе молили о раздачѣ имъ оружія, и военные круги Кавказа поддерживали ихъ настоянія.

Пшущій эти строки переѣзжалъ изъ города въ городъ, читая лекцію, посвященную огромному значенію разрѣшенія армянскаго вопроса въ Турціи сообразно съ интересами Россіи, введеніемъ настоящей автономіи. На Кавказѣ отъ нѣкоторыхъ видныхъ представителей военныхъ круговъ лекторъ слышалъ полное согласіе съ роковой необходимостью или проведенія армянскихъ реформъ, или герmano-турецкой войны. Увы!..

Вы помните, какъ Фигаро отвѣчаетъ на вопросъ, что такое политика. „Надо только притворяться незнающимъ, когда все знаешь, и знающимъ все, когда не знаешь ничего. Выслушивать то, чего не понимаешь, и не слушать того, что понимаешь. А, главное, стараться сдѣлать видъ, что можешь совершить выше своихъ силъ. Запраться въ кабинетѣ, чтобы чинить перья, и казаться глубокомысленнымъ, когда у тебя вѣтеръ въ головѣ гуляетъ“. Окончательно свое откровеніе искусства международнаго политика Фигаро сводитъ къ тому, чтобы „стараться облагородить убожество средствъ важностью самаго дѣла“.

Боже мой, сколько бездонной мудрости и проницательности въ этомъ совѣтѣ! Истинная политика, создаваемая уваженіемъ массъ и давленіемъ экономическихъ силъ, національнымъ азартомъ и воинственными инстинктами, шириной національныхъ горизонтовъ и логикой желѣза и крови, глядитъ на насъ внѣ разглагольствованій нашихъ Фигаро, всегда направляющихъ свои челны вслѣдъ за ея бѣгомъ.

Подъ покровомъ своего „нейтралитета“ и „нейтралитета“ неуставно защищаемыхъ болгаръ, для которыхъ намъ рекомендуютъ легонько придушить сербовъ, нашихъ союзниковъ, Турція готовилась къ воянѣ, получала пушки и суда, подводныя лодки и руководителей и наполняла свои пустыя кассы звонкими нѣмецкими деньгами. А деньги—„первъ войны“!

Военные сидѣли и томилась, понимали и негодовали, глядѣли на турецко-нѣмецкій локоть, который нельзя было укусить.

Теперь наконецъ настоящая полигика смерти и войны пришла, и проворные Фигаро уже налаживаютъ свои челны для сочувственнаго бѣга.

Но русскому обществу пора научиться различать политику отъ разглагольствования, народные интересы отъ безоглядныхъ симпатій, необходимость точныхъ цѣлей отъ пустыхъ—слизкихъ—словъ.

Недавно оглашенная резолюція группы общественныхъ дѣятелей, собирающихся у Брянчанинова, прежде всего требуетъ немедленнаго и недвусмысленнаго прекращенія болгарскаго „нейтралитета“.

Естественнымъ послѣдствіемъ отсюда вытекаетъ необходимость для руководителей и сопроводителей болгарской политики именно теперь захватить плохолокація македонскія области, утерянныя болгарами вслѣдствіе легкомысленно начатой преступной войны. Имъ въ самомъ дѣлѣ надобно торопиться.

Можно ли сомнѣваться, что Италия выступитъ въ ближайшее же время въ качествѣ союзной Россіи державы. Это выступленіе сулитъ ей нечисленныя выгоды при возможномъ минимумѣ жергвъ. Бросая свои войска противъ Австріи, она встрѣтитъ лишь ничтожное сопротивленіе, ибо во второй галиціинской битвѣ австрійская армія будетъ окончательно ослаблена и разгромлена.

Между тѣмъ Италия, помню завершенія своего національнаго объединенія на побережьи Адриатики, приобретаетъ Валлону и превращаетъ для итальянцевъ Адриатическое море въ „наше море“, прочно становясь ногой на Балканскомъ полуостровѣ.

Господство англо-французскаго флота обезпечиваетъ итальянскому флоту мелкия операціи противъ турецкаго побережья Малой Азіи, окончательный захватъ двѣнадцати острововъ, важнѣйшее обладаніе Родосомъ и наконецъ вполнѣ обоснованныя надежды принять участіе въ качествѣ воюющей стороны въ дѣлѣ турецкаго наслѣдства. Вмѣстѣ съ тѣмъ миллионъ пятьсотъ тысячъ итальянскихъ войскъ, брошенныхъ противъ нѣмцевъ, явно сдѣлаютъ положеніе Австро-Германіи безнадѣжнымъ.

Понятно также, что Румынія немедленно за этимъ выступитъ.

Спрашивается, кому будетъ нуженъ черезъ нѣсколько дней болгарскій нейтралитетъ?

А вѣдь не всѣ въ Россіи пожелаютъ забыть во имя симпатій, что снаряды „Гебена“, которые убивали русскихъ людей на побережьи Чернаго моря, что руководители турецкой арміи и деньги турецкаго казначейства, и новыя пушки Босфора есть неизбѣжное послѣдствіе болгарскаго „нейтралитета“.

Вѣдь все это провезено черезъ болгарскую территорию! Отсюда болгары—и „болгары“ особенно горячо—говорятъ о нашихъ интересахъ и вознагражденіи Болгаріи.

Отсюда трогательная забота объединить национальность болгарскую и не менѣе трогательная забывчивость подумать про объединеніе национальности греческой, включенной въ болгарскіе предѣлы Бухарестскимъ трактатомъ.

Мы думаемъ, что событія научаютъ.

Турція начала войну, которую одни предвидѣли, другіе не замѣчали.

Въ исходѣ этой войны Россія должна овладѣть Анатолией и побережьемъ Чернаго моря, стать твердой ногой на армянскомъ плато и взять свою долю участія въ месопотамскихъ областяхъ.

Кромѣ того германская Александретта и Смирна должны стать опорными пунктами нашего экономическаго вліянія на Средиземномъ морѣ.

Англія, которая допустила передачу Александретты своему смертельному врагу, не можетъ возражать противъ обладанія ею союзникомъ и другомъ.

Наконецъ, худо ли это, хорошо ли, войну съ Турціей будетъ вести главнымъ образомъ Россія, и почти одна Россія.

Ни англійскіе, ни французскіе дредноуты не пойдутъ по предгорьямъ Тавра.

Тамъ пойдетъ нога русскаго солдата по старымъ путямъ, умоленнымъ костями, русскими народными костями.

В. Плетневъ.

□□□□□□

Недѣля войны.

Истекшая недѣля ознаменовалась крупнымъ событіемъ, явившимся результатомъ германской политики. Въ началѣ войны два германскихъ крейсера: «Гебенъ» и «Бреслау», находившіяся въ Средиземномъ морѣ, укрылись въ Дарданелльскомъ проливѣ отъ преслѣдовавшей ихъ французской эскадры. На обращенное къ Турціи требованіе державъ о разоруженіи этихъ судовъ, Портой было сдѣлано заявленіе о томъ, что они проданы турецкому правительству Германіей. Тогда было предъявлено требованіе къ Портѣ о томъ, чтобы германскій экипажъ этихъ судовъ былъ снятъ и отправленъ на родину. Порта обѣщалась выполнить это требованіе, но тѣмъ не менѣе оно выполнено не было. Ибо Портой управляетъ не падишахъ и даже не Энверъ съ присными, а г. Лиманъ фонъ Сандерсъ.

Долгое время Германіи не удавалось вовлечь Турцію въ войну. Въ концѣ концовъ ей удалось добиться этого хитростью: 16-го октября германскія и турецкія суда, находившіяся въ Черномъ морѣ, а именно «Гебенъ» и «Бреслау», въ сопровожденіи двухъ миноносцевъ, подошли къ нашему побережью и стали обстрѣливать наши незащищенные города. Потомъ турки, объясняя такое неожиданное нападеніе, заявили, что это было самовольное выступленіе находящихся на этихъ судахъ германскихъ офицеровъ, которые, заявивъ командѣ о томъ, что по радиотелеграфу полу-

чено сообщеніе объ открытіи военных дѣйствіи Россіей противъ Турціи, стали обстрѣливать наше побережье. Такимъ образомъ 16-го октября были открыты военныя дѣйствія турецкихъ судовъ безъ объявленія войны. Немедленно же былъ отданъ приказъ нашей кавказской арміи перейти турецкую границу и начать военныя дѣйствія противъ Турціи, вѣроломно напавшей на наше побережье и на наши суда. Началась слѣдовательно новая война—война России съ Турціей, къ которой немедленно присоединились и наши союзники, и флотъ послѣднихъ началъ обстрѣливать форты турецкаго побережья Малой Азии и Дарданеллы.

Весь интересъ событій новой войны безспорно будетъ сосредоточенъ около проливовъ, а именно около Босфора и Дарданеллы, изъ-за которыхъ ведется уже два вѣка борьба России съ Турціей. Открытіе этихъ проливовъ для русскихъ военныхъ судовъ имѣетъ громадное значеніе. Черное море, представляющее нынѣ закрытое море, съ освобожденіемъ проливовъ изъ турецкаго рабства сдѣлается открытымъ русскимъ моремъ, и наши суда будутъ имѣть возможность безпрепятственно плавать по морямъ всего земного шара.

Начавшіяся военныя дѣйствія противъ Турціи дали сразу реальные результаты. Наша кавказская армія, перейдя турецкую границу, заняла цѣлый рядъ пунктовъ, въ томъ числѣ два, имѣющихъ историческое значеніе. Это—Зивинтъ, который въ войну 1877—78 гг. наши войска безуспѣшно атаковали въ течение двухъ дней, и Баязетъ, памятный своей доблестной осадой, которую въ течение 22 дней выдерживалъ нашъ маленькій гарнизонъ противъ 10.000-й турецкой арміи.

Не менѣе успѣшно въ течение этой недѣли шли наши военныя дѣйствія противъ союзной германо-австрийской арміи. Съ начала недѣли германскія войска уже находились въ отступленіи въ завислинскомъ районѣ. Въ первое время ихъ отступление сопровождалось аррьергардными боями, но мало-по-малу эти бои стали прекращаться, и наши войска безъ всякаго сопротивленія слѣдовали по пятамъ отступающихъ германцевъ, очищая и занимая всѣ лежащія на пути города. Такимъ образомъ къ концу недѣли германцы находились уже на разстояніи 40 верстъ отъ границы и большая часть завислинскаго района была очищена отъ противника. Большое сопротивленіе оказывали австрийскія войска въ районѣ Радомской губерніи. Этимъ войскамъ необходимо было задержать наше наступленіе, чтобы дать возможность своимъ главнымъ силамъ переправиться на правый берегъ Вислы и отойти на пути къ Кракову.

Въ настоящее время уже выяснено, что германо-австрийскія войска отходятъ къ тѣмъ заранѣе укрѣпленнымъ ими позиціямъ, которыя были подготовлены ими предъ наступленіемъ на Варшаву, а именно къ позиціямъ на линіи Калишъ—Ченстоховъ—Краковъ. Здѣсь повидимому германцы имѣютъ въ виду на оборонительныхъ позиціяхъ встрѣтить наши войска. Не останавливаясь на деталяхъ отступленія германо-австрийскихъ войскъ, укажемъ только на одинъ весьма характерный фактъ. 16-го октября германо-австрийскія войска, отступающія между Вислой и Радомомъ, достигнувъ Радома, раздѣлились. Германскія войска ушли на Петроковъ, а австрийцы этой группы продолжали свое отступленіе къ Кѣльцамъ, и только одна 7-я австрийская кавалерійская дивизія слѣдовала за германскими войсками, при-

крывая ихъ отступленіе. Такимъ образомъ произошелъ расколъ между австрийскими и германскими войсками. Только одна австрийская дивизія осталась вѣрной своимъ союзникамъ и вмѣстѣ съ 8-й саксонской кавалерійской дивизіей составила новый кавалерійскій корпусъ, командиромъ котораго за вѣрность союзникамъ былъ назначенъ начальникъ австрийской дивизіи, генераль Корда. На восточно-прусскомъ фронтѣ въ то время, когда германскія войска за Вислой отступали, производилась демонстрація. Въ этомъ районѣ у германцевъ было всего-навсего 2 корпуса—1-й армейскій и резервный гвардейскій, усиленные частями кенигсбергскаго гарнизона. Эти войска усиленно атаковали наши войска въ Сувалкской губерніи, повидимому желая отвлечь изъ завислинскаго района части нашихъ войскъ на помощь войскамъ въ Сувалкской губерніи, съ тѣмъ чтобы облегчить отступленіе своихъ войскъ за Вислой. Однако это имъ не удалось. Наши сувалкскія войска съ успѣхомъ отражали всѣ ихъ атаки, и 21-го октября германскія войска, въ послѣднее время оборонявшіяся, по всему фронту рѣзко измѣнили свою тактику и во многихъ мѣстахъ начали отступать.

Въ Галиціи въ теченіе этой недѣли австрийскія войска продолжали оказывать намъ сопротивленіе по линіи рѣки Сана. Но и здѣсь это сопротивленіе къ концу недѣли было сломлено и намъ удалось форсировать переправы на Санѣ и завладѣть райономъ Ниско—Рудникъ, прорвавъ такимъ образомъ сплошную линію австрийскихъ оборонительныхъ позицій на лѣвомъ берегу Сана. Съ занятіемъ нашими войсками города Сандомира австрийцы, укрѣпившіеся по Сану, принуждены будутъ отступить, такъ какъ Сандомиръ является пунктомъ, изъ котораго наши войска фланкируютъ австрийцевъ и угрожаютъ ихъ сообщеніямъ и связи въ тылу.

На французскомъ фронтѣ истекшая недѣля ознаменовалась борьбой за обладаніе морскимъ побережьемъ. Начавшаяся еще на прошлой недѣлѣ борьба на лѣвомъ французскомъ крылѣ въ теченіе всей этой недѣли шла съ ослабѣвающимъ упорствомъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Однако къ концу недѣли германцы мало-по-малу стали ослабѣвать. Усилія ихъ прорвать линію французскаго расположенія по рѣкѣ Изеръ не увѣнчались успѣхомъ, и они подъ натискомъ союзныхъ войскъ и подъ напоромъ воды, хлынувшей изъ открытыхъ бельгийцами шлюзовъ, принуждены были отступить. Затѣмъ по всему французскому фронту замѣчалось частичное отступленіе германцевъ. Почти вездѣ союзникамъ удавалось продвинуться впередъ, и уже ясно сталъ намѣчаться отходъ германцевъ. Въ тылу по бельгійской границѣ ведутся усиленныя фортификаціонныя работы, все готовится къ тому, чтобы въ случаѣ необходимости германскія войска могли быстро отступить къ бельгійской границѣ и тамъ снова оказать сопротивленіе союзнымъ войскамъ.

Въ концѣ недѣли было получено извѣстіе о начавшемся близъ англійскихъ береговъ морскомъ сраженіи. Результаты его еще неизвѣстны, за исключеніемъ того, что одинъ англійскій крейсеръ потопленъ германской подводной лодкой.

На востокѣ Азии видимо близится развязка событій. Японскія войска какъ съ моря, такъ и съ суши начали общій штурмъ германской крѣпости Циндао и со дня на день слѣдуетъ ожидать паденія этой дальневосточной германской твердыни.

Г. П.

„Улучшеніе жизни“ Новая книга автор. изв. кн. Крапоткина и др. 1-я кн. „ИЗЪ РАБСТВА СЛУЖБЫ КЪ СВОБОДНОМУ ТРУДУ и РАДОСТНОЙ ЖИЗНИ!“ Цѣль этой книги—дать читателю ПРАКТИЧ. указанія: 1) какъ организовать СВОЕ хозяйство. ДѢЛО. 2) получить отъ него ВѢРНОЕ пожизн. ОБЕЗПЕЧ. и 3) такъ образ. стать независим., свободн. отъ рабства службы. Она говоритъ о желанномъ ИДЕАЛѢ жизни и хоз. инт. культ. ДѢЛѢ съ широк. возможностью на КРУПН. доходѣ (2.000—6.000 р. въ годъ и БОЛѢЕ—см. книгу съ 12 стр.), подход. каждому, которые только и могутъ дать ПОЛНОЕ удовлетв. человѣку! Цѣнная книга, 1 р. 95 к. налог. *2-я кн., „ПОСТРОЙКА НЕСГОР. ДОМА или ДАЧИ за 125 р.“, указываетъ практич. ДЕШЕВ. способъ обезпеч. себя собственностью; возможн. и малоимущ.—на аренд. землѣ, 36—99 лѣт. срѣка по „новому“ зак. („законъ“ прилож. къ книгѣ безпл.). Ц. 1 р. 45 к. съ перес. Обѣ кн. (вм. 3 р. 50 к.)—2 р. 85 к. съ перес. *3-я кн., „ЖИВИ ДЕШЕВЛЕ!“, объявляетъ нов. научн. основы рацион. питанія, съ рецетп. блюдъ дешев. и ПОЛЕЗН. ЗДОРОВЬЮ вегетариан. пищи, по изв. сист. д-ра мед. Хиндхеле, поощренн. правит. 25.000 преміей и др., которыя обезпечиваютъ кажд. человѣку здоровье, достатокъ и независим. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. Всѣ три кн. „Улучшенія жизни“ (вмѣсто 5 р.)—3 р. 85 к. съ пер. налог. Кн-во „НОВАЯ ЖИЗНЬ и НАУКА“, Мартынова, Москва, Ср. Переславская, 12—III. Сохраните—объявл. развѣ!

Контрскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждого въ 8 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семикопееч. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса, Профессору Каллиграфіи А. КОССОДО, Дерибасовская д. Родинскаго.

МАРКИ для коллекціи. Покупка—продажа. **Э. БАДЭ.** ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 34. Прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.**

Шведскій Моторный Заводъ Бр. ЭКВАЛЬ. Петроградъ, Головинск. пер., 17. **НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ.** Модель 1914 г. Для мукомольныхъ мельницъ и всѣхъ промышленныхъ цѣлей. Высокое достоинство. Цѣны вѣн конкурренціи. Каталогъ № 10 по востребованію бесплатно. Всѣ размѣры постоянно на складѣ. **Ищутъ солидныхъ представителей.**